
И.Е. Суриков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
БОСПОРСКОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА V–IV вв. до н. э.
(«ВЗГЛЯД ИЗ ЭЛЛАДЫ»)

Аннотация: Статья состоит из двух частей. В первой аргументируется тезис, согласно которому режим боспорских Археанактидов (480–438 гг. до н. э.) представлял собой, вопреки общепринятому мнению, не тиранию, а олигархию одного рода (ближайшая параллель — коринфские Бакхиады). Вторая часть посвящена дискуссионным вопросам: имел ли место на Боспоре IV в. до н. э. протоэллинизм и уместно ли употреблять сам термин «протоэллинизм» («предэллинизм»), отражает ли он какую-то историческую реальность? Представляется, что на все эти вопросы может быть дан положительный ответ — но только в том случае, если главной, наиболее принципиальной чертой эллинизма как такового считать не «греко-варварский синтез» (последний характерен не для всего эллинистического мира, а лишь для эллинистического Востока), а сдвиг в политической жизни и политической психологии, который принято называть «от гражданина к подданному».

Ключевые слова: Боспор, политогенез, Археанактиды, Спартокиды, тирания, олигархия, эллинизм, протоэллинизм

Abstract: The paper consists of two parts. In the first one, the thesis is argued that the regime of the Bosporan Archaeanactidae was, against the common opinion, not a tyranny but an oligarchy of a sole *genos* (the closest parallel is the Bacchiadae of Corinth). The second part is devoted to debatable questions: was there proto-Hellenism in the fourth-century B.C. Bosphorus, and is the very term ‘proto-Hellenism’ (‘pre-Hellenism’) appropriate? Does it reflect any historical reality? The author believes all these questions may be answered in the affirmative — but only if we take as the main and most principal feature of Hellenism as such not the “Greco-Barbarian synthesis” (the latter was typical not for the whole Hellenistic world but only for the Hellenistic East), but the shift in political life and political psychology that is often labeled as “from citizen to subject”.

Key words: Bosphorus, state formation, Archaeanactidae, Spartocidae, tyranny, oligarchy, Hellenism, proto-Hellenism

Тот том ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы», для которого пишется данная статья, составляется, насколько нам известно, преимущественно на основе материалов двух научных мероприятий (в обоих нам довелось участвовать) — круглого стола «Образование Боспорского государства: от полиса к царству» (апрель 2012 г., ИВИ РАН, в рамках XXIV Чтений памяти В.Т. Пашуто) и симпозиума «Эллинизм: географические границы, хронологические рамки, сущностное содержание» (декабрь 2012 г., РГГУ). Соответственно, основная тематика тома включает именно эти два круга сюжетов или проблемных блока. Наша статья имеет отношение и к тому, и к другому, находится, так сказать, на их стыке. Первая ее часть в большей степени связана с «боспорской» проблематикой, вторая — в большей степени с «эллинистической».

Из краткого, тезисного, варианта работы¹ мы сознательно сохранили подзаголовок — «Взгляд из Эллады». Он означает, что боспорские реалии в статье будут анализироваться обязательно в контексте общегреческих. Нам это представляется принципиально важным, поскольку мы глубоко убеждены, что на Боспор нужно смотреть именно как на античное греческое государство, как на интегральную часть эллинского мира, развивавшуюся согласно общим, характерным для него тенденциям, — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Надеемся, что этот тезис не прозвучит банальностью. Возможно, кому-то он даже покажется спорным. Действительно, у нас иной раз называли Боспор даже «греко-варварским государством», что, как мы считаем, решительно не соответствует действительности. Ныне вроде бы так прямолинейно уже не пишут. Однако и по сей день постоянно можно встретить соображения о «феноменальности» этого региона. Выражение «боспорский феномен» стало весьма популярным и распространенным.

Попытаемся максимально четко обозначить нашу позицию в данном вопросе. Действительно, Боспор можно называть и «феноменальным» — постольку, поскольку любая вообще историческая реалья яв-

¹ Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 311–315.

ляется феноменальной, то есть уникальной и единичной. Гуманитарные науки, как давно уже справедливо отмечено Риккертом², не номотетичны, а идиографичны; они имеют дело именно с единичными объектами. В отличие, скажем, от физики, где все процессы повторяются в одной и той же форме, следуя неизменным законам природы (например, любое тело, находящееся в состоянии свободного падения, всегда приобретает строго одинаковое ускорение), о столь же неизменных «законах истории» говорить никак не приходится. Разумеется, нельзя отрицать, что какие-то закономерности присутствуют (возможно, корректнее было бы называть их тенденциями), однако же в исторической жизни ничто и никогда не повторяется с полной точностью. В этом плане история — в принципе область феноменального.

Так вот, если говорить о «боспорском феномене» в данном смысле, то мы ничего не имеем против (однако подобное словоупотребление и не несет в себе какой-либо эвристической ценности). Но обычно под «феноменальностью» Боспора подразумевают нечто иное: используют эту категорию в качестве своего рода «палочки-выручалочки». Предполагается, что Боспор не следовал общим закономерностям современного ему античного мира, что он шел своим «особым путем», что в этой области многое, если не всё, было беспрецедентным. Эксплицитно подобное суждение вряд ли высказывается; однако при анализе конкретного материала из него подчас подспудно исходят. Если, например, приходится исследовать какую-нибудь сложную проблему, которая с трудом поддается решению, есть ведь в запасе и «простой» выход — объяснить всё пресловутой «боспорской феноменальностью». Мы не убеждены, что это плодотворный путь³.

Он, в частности, приводит к тому, что боспорская история изучается изолированно от общегреческой. А вот этого делать никак нельзя. Боспор надлежит рассматривать только в связи с Элладой в целом (имеем здесь в виду «Элладу» в широком смысле, включая мир колоний). Нередко бывает, что какой-либо факт, традиционно признаваемый очередным проявлением «феноменальности», ошибочно считают таковым единственно потому, что в недостаточной мере учли данные из других греческих регионов; в случае же такого учета оказывается, что есть и параллели, и прецеденты.

² См. в русском переводе: *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 44 слл.

³ В связи с рассматриваемым вопросом см. также важное исследование: *Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Т. 4. С. 150–181.

Сделав эти краткие вводные замечания методологического характера, перейдем к основной проблематике статьи. Политогенез, как мы его понимаем, не должен обязательно связываться только с начальной стадией существования каждой данной политики, с ее формированием; этот процесс идет и в дальнейшем, поскольку он имеет отношение также и к последующим трансформациям структурообразующих элементов политической системы. Далее, политогенез — процесс отнюдь не равномерный по темпам протекания и даже в каких-то отношениях дискретный. В истории любого государства можно (с точки зрения политогенеза) выделять как периоды «спокойные», подчас просто статичные, когда в сфере, имеющей отношение к формам власти, ничего или почти ничего принципиально не меняется, так и эпохи, характеризующиеся высоким динамизмом, «бурным потоком перемен»⁴. Разумеется, именно эти последние заслуживают наиболее пристального к себе внимания.

V–IV вв. до н. э. были именно таким, «динамичным», периодом в истории того государственного образования, которое принято называть Боспорским царством (хотя, строго говоря, тогда оно так еще явно не именовалось)⁵. На указанном хронологическом отрезке интересующая нас политика как раз формировалась и трансформировалась. Какие-то детали этого «подспудного кипения» для нас более или менее ясны, о каких-то (таковых, пожалуй, большинство) можно теперь только догадываться. Есть и случаи, когда о каком-либо нюансе мы полагаем, что знаем его относительно твердо, но со временем, по мере новых открытий, устоявшиеся взгляды могут быть сильно поколеблены. Хороший конкретный пример — эволюция титулатуры боспорских правителей (которая является непосредственно наблюдаемым проявлением латентных процессов политогенеза). Уже сейчас мы знаем об этой эволюции значительно больше, чем всего лишь несколько десятилетий назад⁶, и, думается, точка еще не поставлена.

⁴ О чередовании этих «спокойных» и «бурных» фаз политогенеза см., в частности, применительно к Афинам: *Суриков И.Е.* Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013 (в печати).

⁵ А напротив того, хронологический отрезок с начала III в. до н. э. (принятие Спартоком III царского титула) до рубежа II–I вв. до н. э. (включение Боспора в состав владений Митридата VI) может служить примером статичной фазы политогенеза.

⁶ Какой интереснейший нюанс внесла в наши представления о ней хотя бы опубликованная с десяток лет назад надпись Теопротида из Нимфея (editio princeps: *Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Hyperboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. P. 99–121)! К оценке ее значимости см. хотя бы: *Завойкин А.А.*

Одним словом, надеемся, что не покажется неоправданным наше обращение в данной статье к двум достаточно важным сюжетам, имеющим отношение именно к боспорскому политогенезу в V–IV вв. до н. э. (а второй сюжет еще и напрямую относится к проблематике «протоэллинизма», или «предэллинизма»). По обоим этим сюжетам нам хотелось бы высказать свое нынешнее мнение⁷.

1. *О характере режима Археанактидов*. Боспорские Археанактиды в отечественном антиковедении отнюдь не обделены вниманием. Уже, как минимум, с начала XX века начали появляться статьи, специально им посвященные⁸. Продолжали такие статьи появляться и в дальнейшем⁹; в частности, совсем недавно увидела свет весьма важная работа, принадлежащая перу А.А. Завойкина¹⁰. Кроме того,

«Две Синдики» (заметки касаясь исторической значимости посвящения Теопротида, сына Мегакла из Нимфея) // ДБ. 2004. Т. 7. С. 150–162; *он же*. Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М. — Киев — Запорожье, 2007. С. 218–243. О некоторых других занятых аспектах этого памятника (ономастико-просопографических) см.: Суриков И.Е. Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. Т. 1. М., 2012. С. 51–67.

⁷ Это приходится специально оговаривать, ибо точки зрения даже каждого конкретного исследователя на тот или иной предмет могут с годами меняться (это есть нормальная логика научного мышления и, более того, процесс в высшей степени позитивный, что блестяще показал К. Поппер, оперировавший категориями «верификации» и «фальсификации» научной гипотезы, подробнее см.: Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983). Например, недавно Н.Б. Чурекова активно полемизировала с нами в связи со взглядами (касающимися, кстати, в том числе и Археанактидов, о которых пойдет речь ниже), которых мы на тот момент уже не придерживались. См.: Чурекова Н.Б. Еще раз к проблеме боспорской тирании // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 321–324.

⁸ См. статью С.А. Жебелева «Боспорские Археанактиды» (впервые опубликована в 1902 г.), впоследствии вошедшую в книгу: Жебелев С.А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.–Л., 1953. С. 21–28. См. также статью В.В. Шкорпила (Шкорпил В.В. Археанактиды // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 54. С. 54–59).

⁹ Так, широкую известность получила заметка В.Д. Блаватского «О происхождении боспорских Археанактидов» (впервые опубликована в 1970 г.), впоследствии вошедшая в книгу: Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 207–211. См. также: Молев Е.А. К вопросу об обстоятельствах прихода к власти на Боспоре Археанактидов // ИИАО. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999. С. 81–90.

¹⁰ Завойкин А.А. Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора» (Diod. XII. 31, 1)? К периодизации становления Боспорского государства // Эмбатерион. Сборник статей по искусствоведению, филологии, истории. М., 2011. С. 291–299. Не можем не сказать здесь несколько слов общего характера об этом сборнике «Эмбатерион», о том несколько странном впечатлении, которое он производит (самой статьи А.А. Завойкина,

естественно, в любом труде общего характера, посвященном политической истории раннего Боспора, содержится более или менее обширный экскурс об Археанактидах¹¹.

При таком обилии литературы — и тут есть определенная пикантность ситуации — во всем колоссальном корпусе античных (да и послеантичных) источников имеется лишь *одно-единственное* упоминание об этой династии (или *не* династии, см. ниже)¹². Это свидетельство (*Diod.* XII. 31. 1) хрестоматийно; по понятным причинам оно фигурирует в каждом исследовании, где говорится об Археанактидах. Его просто нельзя не привести:

Ἐπ' ἄρχοντος δ' Ἀθήνησι Θεοδώρου... κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κίμμεριου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ

абсолютно высококвалифицированной, сказанное никак не будет касаться). Сборник выпущен к 70-летию В.П. Яйленко, причем вышел через два года после юбилея. Не указаны ни ответственный редактор, ни редакционная коллегия. Предисловие фактически анонимно (подписано «Факультет искусств МГУ»), и в нем, кстати, содержится такая информация о В.П. Яйленко (например, «каждый день начинает с зарядки»), которая наводит на мысль, что он, возможно, сам участвовал в написании этого поздравительного слова в свою честь (кто еще может знать такие детали личного характера об особенностях его режима?). Во всяком случае, прямо указано, что «Валерий Петрович сам выбрал название сборника». А ведь обычно подобного рода *Festschrift*'ы готовят в тайне от юбиляра, дабы сделать ему сюрприз. Более того, В.П. Яйленко даже вошел в число авторов сборника к собственному юбилею! Так сказать, дар себе самому. Всё это, с одной стороны, крайне необычно, но с другой — в полной мере характеризует ученого, о котором идет речь (к характеристике личности и деятельности В.П. Яйленко см. из написанного за последнее время: *Левинская И.А.* *Déjà vu*, или «антисемитизм» на Боспоре // *ДБ.* 2009. Т. 13. С. 305–327; *Иванчик А.И.* «Тысячелетний рейх» на Боспоре // *ВДИ.* 2011. № 4. С. 277–279).

¹¹ Несколько примеров, взятых почти наугад: *Блатская Т.В.* *Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э.* М., 1959. С. 16 слл.; *Шелов-Коведяев Ф.В.* *История Боспора в VI–IV вв. до н. э.* // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования.* 1984 год. М., 1985. С. 70 слл.; *Молев Е.А.* *Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н. э.* Нижний Новгород, 1997. С. 24 слл. Перечень можно было бы еще долго продолжать, но в данном случае в этом нет прямой необходимости.

¹² В определенном смысле аналогию представляет еще одна дискуссионная проблема боспорской истории — так называемое «дело Гилона» (см.: *Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках Эхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // *ДБ.* 2009. Т. 13. С. 393–413, с указанием на предшествующие работы). О (мнимой?) измене этого афинянина, по большому счету, свидетельство тоже только одно (у Эхина) — если не считать вторичных, восходящих к эхиновскому и потому самостоятельной ценности не имеющих. А ведь об этом деле у нас написано тоже очень немало. Но случай с Археанактидами еще более уникален: сообщение о них в принципе одно (считая и первичные, и вторичные). Вообще говоря, крайняя скудость свидетельств нарративной традиции об истории Боспора (сам факт подобного систематического умолчания античных авторов о данном

Ἀρχαιανακτίδαι, ἦρξαν ἔτη δύο πρὸς τοῖς τετταράκοντα· διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος, καὶ ἦρξεν ἔτη ἑπτὰ.

Даем наш перевод: «В архонтство Феодора в Афинах... Переходя к Азии¹³: лица, являвшиеся басилеями¹⁴ Киммерийского Боспора, а названные Археанактидами, правили сорок два года; перенял же власть Спарток и правил семь лет».

Сразу оговорим, что в нашей статье вообще не будут рассматриваться вопросы о том, как именно понимать в данном контексте выражение κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν (оно, как известно, породило различные размышления на тему «откуда есть пошла боспорская земля»)¹⁵, а также о том, из какого полиса метрополии происходил род Археанактидов: из Милета¹⁶ или из Митилены¹⁷. Нас будет интересовать совершенно иное — статус этих лиц. Традиционно считается, что это династия боспорских (пантикапейских) тиранов, непосредственно предшествовавшая во времени династии Спартокидов.

регионе привлекает к себе внимание и требует объяснения, но об этом скажем как-нибудь в другой раз, скорее всего, на страницах ДБ) приводит к тому, что зачастую какое-нибудь тамошнее событие, которое, произошли оно, скажем, в Афинах, осталось бы просто не замеченным исследователями, в нашем антиковедении становится предметом жгучего интереса, порождает десятки и десятки страниц полноценного научного текста.

¹³ Переводим, исходя из той интерпретации этой синтаксической конструкции, которая представляется нам наиболее обоснованной (ее можно встретить, например, у В.В. Шкорпила: *Шкорпил В.В.* Археанактиды. С. 58). Часто переводят «в Азии», но если бы Диодор хотел сказать именно это, то он прямо и сказал бы: ἐν τῇ Ἀσίᾳ.

¹⁴ Обычно переводят «царствовавшие» (или в аналогичном духе). Поскольку смысл глагола βασιλεύω и связанного с ним существительного βασιλεύς применительно к Археанактидам будет обсуждаться ниже, здесь в интересах максимальной корректности фактически калькируем оригинал.

¹⁵ Наиболее характерна точка зрения В.Д. Блаватского, согласно которой ядром первоначального объединения боспорских полисов являлась Тамань, а в качестве главного центра выступала сперва Гермонасса (*Блаватский В.Д.* Античная археология и история. С. 207–211). Эта гипотеза и сразу-то мало кем была принята с сочувствием, а ныне для нее и вовсе не остается никакой почвы. На сегодняшний день совершенно очевидно, что власть правителей Боспора начала распространяться не из его азиатской, а из европейской части, из Пантикапея.

¹⁶ Таково преобладающее мнение. См. хотя бы: *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора. С. 70.

¹⁷ *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. С. 207 слл. (этот тезис В.Д. Блаватского о лесбосском происхождении Археанактидов, разумеется, напрямую связан с его предположением о Гермонассе как месте их правления: именно в основании Гермонассы приняли участие митиленяне, в связи с чем см. — с рядом сильно разнящихся нюансов — работы: *Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (По данным эпиграфических источников). М., 1982. С. 271 слл.; *Суриков И.Е.* Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 2012. Т. 16. С. 442 слл.).

Согласно этому общепринятому в науке представлению¹⁸, в 438/437 г. до н. э. в Пантикапее (повторим, что мы не касаемся здесь экзотических точек зрения, согласно которым это произошло не в Пантикапее) имела место всего лишь смена одной династии тиранов на другую, Археанактидов на Спартокидов. На таких позициях стоит, в частности, и А.А. Завойкин — автор, как отмечалось, последней по времени — работы (причем одной из самых фундаментальных) по этому вопросу¹⁹. Аналогично мыслили и исследователи, писавшие о том же ранее. Называли ли Археанактидов напрямую тиранами или не называли²⁰, относили ли их правление к Пантикапее или к Боспору в целом, или к какой-то части Боспора²¹, — в любом случае оставались в русле всё той же «монархической парадигмы»²².

¹⁸ В прошлом его придерживался и автор этих строк: *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадиально-типологический контекст // ИИАО. Вып. 9–10. Нижний Новгород, 2007. С. 144–145.

¹⁹ *Завойкин А.А.* Были ли Археанактиды. С. 293 сл. (со ссылками на предшествующую литературу).

²⁰ Так, Е.А. Молев в одном месте охарактеризовал власть Археанактидов как эсимнетию (*Молев Е.А.* Политическая история Боспора. С. 37); но эсимнетию ведь и определяет Аристотелем (Pol. 1285a30 sq.) как «выборная тирания». А.А. Завойкин в исследовании, более раннем по отношению к цитируемому выше, говорит о корпоративной тирании, которую сближает с крайней формой олигархии (*Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Т. 4. С. 153); ту же мысль о возможности корпоративной тирании до 438–437 г. до н. э., т.е. в археанактидовский период, этот ученый воспроизводит и в одной из последних своих работ (*Завойкин А.А.* Боспорская монархия: проблемы периодизации // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 288–289). С.Ю. Сапрыкин просто утверждает: «Можно согласиться с оценкой власти Археанактидов как тиранической...» (*Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 19). Примеры такого рода можно было бы множить и множить. Конкретные способы выражения несколько различаются, а суть, в принципе, одинакова.

²¹ Тут расхождения связаны с тем, как тот или иной исследователь решал вопрос о хронологии становления единого Боспорского государства. Это — отдельная сложная проблема, которой мы здесь тоже отнюдь не намерены касаться. Отметим только, что она поставлена в совершенно новую перспективу этапным диссертационным исследованием А.А. Завойкина, которое, к глубочайшему сожалению, на момент написания этих строк так-таки пока и не опубликовано: *Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2007.

²² Некоторую особенность являют взгляды В.В. Шкорпила. Нам они представляются внутренне противоречивыми. С одной стороны, этот исследователь называет Археанактидов «первыми царями или тиранами» Боспора (*Шкорпил В.В.* Археанактиды. С. 55, 57), а с другой — фактически рисует картину олигархического правления «нескольких богатых семейств» (Там же. С. 56), а никак не монархии. Некоторые намеки на что-то

Если она верна, то боспорские события 438/437 г. до н. э. вообще не имеют никакого отношения к процессу политогенеза, поскольку последний протекает на уровне не личностей, а институтов. А тут, получается, имела место всего лишь смена династии при сохранении характера государственного устройства²³. Но в связи с этим у нас как раз есть весьма серьезные сомнения, о чем далее и пойдет речь.

Как ни парадоксально, *ровно ни из чего* не следует, что Археанактиды были династией тиранов, то есть монархов²⁴, единоличных правителей, по наследству сменявших друг друга. А с другой стороны, наличествуют некоторые нюансы, свидетельствующие в сторону противного, говорящие о том, что правление Археанактидов представляло собой не тиранию, а олигархию. А конкретно — крайнюю форму олигархии, олигархию одного знатного рода.

Возможно, режим именно такого типа Аристотель имел в виду

подобное прослеживаются и у Т.В. Блаватской. С одной стороны, для нее «приход к власти Археанактидов означал внутренний переворот на Боспоре и установление там тирании» (*Блаватская Т.В. Очерки политической истории. С. 17*). Однако, с другой стороны, исследовательница допускает (Там же. С. 45), что Спарток мог принадлежать к семейству Археанактидов (мы, со своей стороны, тоже не исключаем этого, хотя и не видим способа при имеющемся состоянии источниковой базы внести в вопрос какую-либо ясность). Но в таком случае диодоровская конструкция $\delta\iota\epsilon\delta\acute{\epsilon}\xi\alpha\tau\omicron\ \delta\grave{\epsilon}\ \tau\eta\eta\ \acute{\alpha}\rho\chi\eta\eta$ получает совершенно новый смысл (хотя сама Т.В. Блаватская этого не замечает): один представитель семьи (рода) перенимает власть у этой семьи (рода) в целом. Ср. с тем, как эта конструкция будет интерпретирована у нас ниже.

²³ Или даже просто смена конкретного правителя при сохранении той же династии, как полагала Т.В. Блаватская (см. предыдущее примечание).

²⁴ Соотношению понятий «монархия», «тирания», «царская власть (басилия)» для доэллинистического времени посвящена специальная монография: *Barceló P. Basileia, Monarchia, Tyrannis. Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 1993*. Выскажем несколько собственных соображений по данному вопросу. У нас подчас противопоставляют понятия «тирания» и «монархия», что в методологическом и терминологическом плане совершенно некорректно. Для политических теоретиков классической эпохи (Платона, Аристотеля) «монархия» — родовое понятие, а «царская власть» и «тирания» — входящие в нее видовые. У самых же ранних греческих авторов лексемы «монарх» и «тиран» употребляются как практически полные синонимы; разве что слово «монарх» имеет, пожалуй, еще более негативный оттенок, чем слово «тиран» (см. хотя бы Theogn. I. 52). О том, что это последнее слово вплоть до конца V в. до н. э. (до Фукидида) в целом сохраняло нейтральный оценочный характер, пожалуй, наиболее акцентированно сказано в работе: *Parker V. Τύραννος. The Semantics of a Political Concept from Archilochus to Aristotle // Hermes. 1998. Bd. 126. Ht. 2. S. 145–172*.

под «династией»²⁵. Впрочем, не будем на этом настаивать, поскольку вопрос об аристотелевской «династии» (δυναστεία), вообще говоря, сложен, и тут немало неясностей. Вот некоторые наиболее яркие и относительно ясные характеристики данного строя у стагирского мыслителя:

Arist. Pol. 1292b5 sqq.: «При третьем виде олигархии сын вступает в должность вместо отца. Четвертый вид — когда имеется лицо только что указанное условие и когда властвует не закон, а должностные лица; этот вид в олигархическом строе — то же, что в монархическом тирания, а в демократическом — то, что мы назвали крайним его видом. Такого рода олигархию называют династией».

Arist. Pol. 1293a30 sqq.: «Когда же собственность их (тех лиц, которые в данном государстве обладают правом собственности. — *И.С.*) разрастается до огромных размеров и они приобретают себе массу сторонников, то получается династия, близкая к монархии (ἐγγύς ἢ τοιαύτη δυναστεία μοναρχίας ἐστίν), и тогда правителями становятся люди, а не закон — это и есть четвертый (т.е., по счету Аристотеля, последний, крайний. — *И.С.*) вид олигархии, соответствующий крайнему виду демократии».

Интерпретируя эти пассажи, предварительно нельзя не отметить, что необходимо избавляться от распространенной аберрации, вызванной смешением терминов: если для нас само слово «династия» (в силу ряда факторов, не относящихся к античности) однозначно связывается с монархическим устройством (говорят и пишут о династиях Бурбонов, Габсбургов, Романовых и т.д.), то в античности подобных коннотаций отнюдь не возникало.

Для того же Аристотеля «династия», повторим и подчеркнем, — это один из видов олигархии. А именно — ее «крайний» вид, то есть такой, в котором главный принцип олигархического устройства (власть немногих) проявляется в наиболее полной форме. Ведь так же философ и для демократии выделяет несколько видов, один из которых является «крайним», то есть самым ярко выраженным; аналогичным образом существует для мыслителя и «крайняя» монархия — это тирания. Общей характеристикой всех этих «крайних» видов государственных устройств объявляется то, что «правителями

²⁵ Такое предположение однажды высказал С.А. Жебелев (*Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. С. 176). Данный его тезис был подвергнут критике Т.В. Блаватской, но эту критику трудно признать вполне удачной (*Блаватская Т.В.* Очерки политической истории. С. 47–48).

становятся люди, а не закон», а в остальных видах эту роль выполняет именно закон²⁶.

Аристотелевская «династия» — это, так сказать, самая олигархичная из всех олигархий, «олигархия по преимуществу». Но, подчеркнем еще раз, отнюдь не монархия! «Династия», согласно Стагириту, лишь близка к монархии, а вовсе не тождественна ей²⁷.

Самой яркой чертой «династии», крайней олигархии, в процитированных пассажах (особенно в первом из них) выступает вот что. При этом строе главную роль для достижения и удержания власти играет даже не богатство (как в типичных олигархиях, более мягких и умеренных), а родственные связи. Чтобы попасть в состав правящей элиты, нужно состоять в родстве с остальными ее членами (например, быть сыном кого-либо из них, как прямо сказано в «Политике»). Вырисовывается этакая «олигархия родственников», «власть клана», как сейчас говорят. Переводя дискурс в древнегреческие категории, — власть рода. Далеко не всегда греческий термин «род»

²⁶ О связи этих взглядов Аристотеля на роль закона с общей эволюцией древнегреческой (в частности, афинской) политической теории и практики в IV в. до н. э. см.: *Cohen D. The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 227–244.*

²⁷ Это упускает из виду даже такой знающий специалист, как А.А. Завойкин, склонный отождествлять крайнюю форму олигархии (аристотелевскую «династию») с корпоративной тиранией (*Завойкин А.А. «Боспорский феномен». С. 153 и примеч. 7).* Аристотель в данном вопросе никак не согласился бы с Алексеем Андреевичем. Тирания (любая!) принадлежит к родовому понятию монархии, а с другой стороны, любая олигархия есть именно олигархия. Заметим к слову, что в литературе нередко противопоставляют олигархии аристократию, тем самым следуя за не самым лучшим дополнением Аристотеля к политической систематизации, восходящей, в общем-то, еще к Геродоту. «Отец истории» выделял три типа государственных устройств: монархию (власть одного), олигархию (власть немногих, элиты), демократию (власть народа). Эта великолепная классификация (возможно, ее подлинный автор — не Геродот, которого трудно признать глубоким мыслителем, а его друг Протагор или кто-нибудь другой из софистов) сохраняет свое значение, по большому счету, и по сей день. Ее громадное достоинство — в том, что она исходит из чисто объективного критерия. Аристотелевская же «шестеричная» классификация (некоторые неортодоксальные мысли о ней см. в: *Hansen M.H. Aristotle's Alternative to the Sixfold Model of Constitutions // Aristotle et Athènes. P., 1993. P. 91–101)* является, в сущности, лишь расширением геродотовской, причем не особенно нужным и правомерным. Аристотель говорит о трех «правильных» (то есть как бы «хороших») и трех «отклоняющихся» (то есть как бы «плохих») государственных устройствах, иными словами, примешивает к объективному критерию субъективный.

(γένος) может быть передан по-русски как «клан»²⁸, но вот здесь перед нами как раз случай вполне адекватного соответствия.

Как бы то ни было, поскольку все-таки ныне термин «династия» употребляют, повторим, в совершенно ином смысле (да и нам впредь предстоит делать это), пользоваться этим термином в его аристотелевском значении мы не будем, во избежание путаницы. Подчеркнем, вопрос формулируется так: был ли режим Археанактидов тиранией (это общепринятый на сегодняшний день ответ) или же крайней олигархией, олигархией одного рода?

В пользу последнего варианта говорит целый ряд соображений. Во-первых, у Диодора, как мы видели, сказано, что Спарток — основатель династии Спартокидов²⁹ — перенял (διεδέξατο) власть не у какого-то конкретного предшествующего правителя, а у Археанактидов в целом. Одно лицо — у группы лиц. Такой способ выражения является корректным только для случаев, когда происходит смена формы правления —

²⁸ Ср. нашу критику (Суриков И.Е. «Полиархия» или все-таки полис? // *Studia historica*. 2004. Т. 4. С. 161) в связи с не очень удачным употреблением этого слова, «клан», применительно к древнегреческим родам в книге: Блаватская Т.В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). СПб., 2003.

²⁹ Естественно, стоит всегда помнить о том, что династия «Спартокидов» тоже придумана современной историографией, а в античных источниках мы встречаем только «Левконидов». Впрочем, наверное, все-таки не стоит делать из этого столь далеко идущих выводов, как Н.Б. Чурекова, которая постулирует на хронологическом отрезке между концом Археанактидов, с одной стороны, и правлением Сатира I и Левкона I, с другой, какой-то разрыв («темные века», по выражению самой исследовательницы) или «переходный период» между «старшей» и «младшей» тираниями (Чурекова Н.Б. Еще раз к проблеме. С. 322–323). А что же, реальные основатели династии Спарток I и Селевк I (аргументы в пользу реальности последней фигуры, которую часто представляют проблематичной, см. в: Суриков И.Е. Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // *ДБ*. 2007. Т. 11. С. 386 слл.) не были тиранами? И кем тогда они были? Данная тираническая династия, как бы ее ни именовать (это все-таки вопрос второстепенный, «спор о словах») возникла именно в 438/437 г. до н. э., непосредственно после Археанактидов и без какого бы то ни было переходного периода. Говоря о заметке Н.Б. Чурековой, отметим еще один курьез. Почему-то автор ответственно утверждает: «...Все (курсив наш. — И.С.) исследователи, начиная еще с А. Бёка, говорят о варварском происхождении династии Спартокидов» (Чурекова Н.Б. Еще раз к проблеме. С. 322). Заявлять, будто данную точку зрения (имеющую в свою пользу всего один довод, да и тот крайне слабый — наличие в ономастике династии, наряду с чисто греческими именами, также нескольких негреческих по происхождению) разделяют якобы «все» исследователи, — это значит, мягко говоря, допускать очень сильное преувеличение. Неужели Н.Б. Чурековой не известна хотя бы строгая, аргументированная критика тезиса о «варварском» происхождении Спартокидов в книге Т.В. Блаватской (*Блаватская Т.В. Очерки политической истории*. С. 26 слл.)?

с коллективной на индивидуальную. Для любой другой ситуации этот способ выражения окажется, как минимум, неожиданным (чтобы не сказать — недопустимым): будь то свержение Спартоком тирана из предыдущей династии (тогда так бы и было сказано: Спарток перенял власть у такого-то) или его приход к власти в рамках той же династии (вариант, который, как мы знаем, допускала Т.В. Блаватская).

Во-вторых, в греческом мире почти неизвестны примеры, когда одна династия тиранов в полисе непосредственно приходила на смену другой. Обычно была некая (демократическая или олигархическая) «интерлюдия» (не берем, конечно, примеры, когда один управляемый тираном полис захватил другой управляемый тираном полис, и только таким образом тиран из одной династии встал на место тирана из другой династии; подобные ситуации бывали, например, на Сицилии, но к Пантикапею они не имеют отношения, поскольку этот город в 438/437 г. до н. э. никакой внешней силой не захватывался).

В тезисном варианте данной работы³⁰ мы, впрочем, чрезмерно категорично высказались в том духе, что примеров прямой смены одной тиранической династии на другую в рамках одного и того же государства вообще не было. На самом деле один такой случай всё же фигурирует в источниках: это переход власти от династии Пантаридов к династии Дейноменидов в сицилийской Геле в 491 г. до н. э.³¹

Как этот переход произошел — из источников известно с достаточной степенью детальности³². Будущий основатель династии Дейноменидов Гелон вначале находился на службе у последнего Пантариды — Гиппократа — и занимал один из высших постов в войске, командуя конницей. Он снискал себе большой авторитет в кругу граждан. Когда Гиппократ погиб в войне с сикулами, Гелон, опираясь на армию, захватил власть в Геле и стал тираном.

Геродот — автор, из которого мы узнаём об этих событиях (*Herod.* VII. 154–155), не употребляет применительно к ним глагол διαδέχομαι, пользуясь иной лексикой. И в любом случае данный единичный эпизод никак не может служить параллелью для того, который нас сейчас интересует (низложение Археанактидов и утверждение Спартокидов), поскольку не имеет с ним никакого сходства.

³⁰ Суриков И.Е. Две проблемы. С. 313.

³¹ Что интересно, сам этот факт был нам известен (см. упоминание о нем в нашей более ранней работе: Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании. С. 150–151); но в спешке написания тезисов мы упустили его из виду, за что теперь просим извинения у коллег.

³² См. о событии: Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху: Ранняя греческая тирания конца VII — середины V в. до н. э. СПб., 2004. С. 151–152.

В-третьих, срок правления Археанактидов — 42 года — как-то маловат для целой династии тиранов. Если оперировать нормальными сроками правления, сюда вписываются максимум два тирана (напомним, в Коринфе один Периандр правил 42 года). Количество правителей, большее, чем два, можно постулировать только при условии предположения, что они как-то неестественно быстро умирали.

Наконец, в-четвертых (самый сильный аргумент мы сознательно оставили напоследок, и это аргумент такого рода, что ему, как нам кажется, вообще нельзя что-либо всерьез противопоставить, так что он является решающим): мы не знаем ни одного конкретного имени тирана из династии Археанактидов.

Имя Археанакт (безусловно, «супер-аристократически» звучащее, с максимально престижным компонентом «-анакт»), вопреки распространенному мнению, таковым не является, и мы вообще не можем утверждать, что на Боспоре был такой правитель. Династии в античности далеко не всегда получали название от первого правителя. Так, в Геле на Сицилии была династия Пантаридов, хотя тирана Пантарей не было (Пантарей был отцом первого тирана Клеандра). Потом в Сиракузах была известнейшая династия Дейноменидов, а тирана Дейномена опять же не было — Дейномен был отцом Гелона, Гиерона и пр.³³

Дело в следующем. Те обозначения, которые мы — руководствуясь представлениями более поздних эпох — воспринимаем как названия древнегреческих династий, в действительности были, строго говоря, названиями аристократических родов. И образовываться они могли либо от имени основателя рода (зачастую — персонажа фиктивного), либо от имени какого-либо крупного деятеля, появившегося в роду впоследствии и особенно запомнившегося потомкам³⁴. Как бы то ни было, несомненно одно: хотя в литературе нередко

³³ См. по этим сюжетам хотя бы: *Высокий М.Ф.* История Сицилии. С. 122 слл., 150 слл.

³⁴ Так, в Афинах знатный род Медонтидов, в XI–VIII вв. до н. э. являвшийся царской (архонтской) династией (см. подробнее: *Суриков И.Е.* Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // ВДИ. 2012. № 2. С. 34 слл.), получил название от Медонта, а не от его деда Меланфа, который первым из этого дома принял власть. В целом в изучение древнегреческого рода наибольший вклад внесен двумя исследованиями французских ученых, которые вышли еще в 1970-х гг., но и по сей день не утратили своего значения и не были, так сказать, превзойдены: *Bourriot F.* Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. *Periodes archaïque et classique.* Lille — P., 1976. Т. 1–2; *Roussel D.* Tribu et cité. *Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique.* P., 1976.

можно встретить указание на то, что первым боспорским тираном являлся Археанакт³⁵, подобное утверждение ни в малейшей мере не зиждется на источниковых данных.

Так вот, применительно к греческому миру в целом возможны были два варианта. Либо известны *и* название династии, *и* имена тиранов из этой династии (лучший пример — династия Кипселидов в Коринфе³⁶ и ее представители Кипсел, Периандр, Псамметих; напомним также об афинской династии Писистратидов³⁷ и ее представителях Писистрате, Гиппии), либо (этот второй вариант встречается, пожалуй, даже чаще) известны *только* конкретные имена тиранов, а название династии неизвестно (пример — Самос, где в VI в. до н. э. правили Поликрат, Силосонт, Эак, а еще до них ряд других тиранов, идентичность которых неоднозначна³⁸, и все они, кроме «выскочки» Меандрия, являлись родственниками, но мы не знаем, как именовалась эта династия). А тут, на Боспоре, перед нами вроде бы третий вариант: не известно ни одно имя тирана, но притом известно название династии — Археанактиды (если таковая была). Но это беспрецедентно! Опять будем ссылаться на «боспорскую феноменальность», как на ту же привычную палочку-выручалочку?

Итак, с учетом всего сказанного, вернемся к вопросу: следует ли считать режим Археанактидов тиранией или олигархией одного рода? В пользу второго ответа на данный вопрос, как видим, имеются аргументы. Кому-то они могут показаться убедительными, кому-то — не очень, но, по крайней мере, они *есть*. А вот поводы видеть в Археанактидах тиранов вообще отсутствуют. Ибо, на самом деле, нельзя же всерьез воспринимать такой ход мысли (хоть

³⁵ Например: *Блаватская Т.В.* Очерки политической истории. С. 9, 16 (хотя все-таки с оговорками); *Молев Е.А.* Политическая история Боспора. С. 37; *Чурекова Н.Б.* Еще раз к проблеме. С. 321.

³⁶ Термин «Кипселиды» — аутентично архаический, он зафиксирован уже у такого раннего автора, как Феогнид (*Theogn.* I. 894), еще заставшего эту династию у власти. Правильную датировку жизни Феогнида первой половиной VI в. до н. э. см.: *Пальцева Л.А.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 267 слл. Некорректную датировку поэта более поздним временем (к тому же никак не аргументированную) см.: *Доватур А.И.* Феогнид и его время. Л., 1989. С. 36 сл.

³⁷ Термин «Писистратиды» встречается уже у Геродота.

³⁸ История самого раннего периода самосской тирании богата трудноразрешимыми проблемами. См. в связи с этим: *Shiple G.* A History of Samos 800–188 B.C. Oxford, 1987. P. 53 ff.; *Лантвева М.Ю.* Посвящение Эака в храм Геры Самосской // *Μητήρ*. Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С.149–156.

он подчас и присутствует в литературе³⁹): коль скоро тираном был Спарток, сменивший Археанактидов, то, значит, и сами они имели тот же статус. По этой логике, если в Англии Кромвель, сменивший Стюартов, был лордом-протектором, то, значит, и Стюарты были лордами-протекторами. Одним словом, та «чаша весов», на которой лежит «олигархическая» версия, значительно перетягивает.

Уже в начале статьи мы оговорили, что полноценные характеристики процессов боспорской истории возможны только при максимально интенсивном привлечении параллелей из греческого мира в целом. Но, разумеется, это должны быть корректные, реально релевантные параллели, а не абы какие. Известны ли в эллинских полисах конкретные случаи олигархии одного рода? Да, разумеется. Самый яркий и наиболее существенно близкий к нашему контексту пример — коринфская олигархия Бакхиадов⁴⁰.

История Бакхиадов неплохо освещена как в источниках⁴¹, так и в исследовательской литературе⁴². Их режим представлял собой как раз власть, монополизированную одним родом — чрезвычайно знатным, происходящим от древних царей. В этом роде в период его нахождения у «кормила» государства даже практиковалась традиция эндогамных браков — дабы не расширять круг лиц, которые могли бы претендовать на причастность к правящей элите.

Правление Бакхиадов имело коллегиальный характер, однако, видимо, в интересах наиболее эффективного его осуществления они ежегодно избирали из своей среды высшего магистрата полиса — притана. В результате в каждый конкретно взятый момент во главе Коринфа стоял один человек. Иной раз это вводило античных авто-

³⁹ Например: *Блаватская Т.В.* Очерки политической истории. С. 17.

⁴⁰ Интересно, что сопоставление Археанактидов с Бакхиадами в литературе уже проводилось, правда, скорее мимоходом (*Блаватский В.Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 47 сл.); но практически никакого резонанса в дальнейшей историографии это не получило.

⁴¹ Наиболее важно свидетельство Геродота (V. 92); его данные дополняются рядом пассажей из более поздних авторов (их перечень см. в работе: *Жестоканов С.М.* Олигархия Бакхиадов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. СПб., 2003. С. 53–64).

⁴² В частности, и в лучшем на сегодняшний день монографическом исследовании об античном Коринфе (*Salmon J.B.* *Wealthy Corinth: A History of the City to 338 BC.* Oxford, 1984) этому эпизоду из истории полиса, естественно, уделено должное внимание. Ср. также интересные соображения о Бакхиадах и о переходе власти от них к Кипселу в важной концептуальной монографии: *McGlew J.F.* *Tyranny and Political Culture in Ancient Greece.* Ithaca, 1996. P. 61 ff. В отечественной историографии см.: *Жестоканов С.М.* Олигархия Бакхиадов.

ров (особенно, поздних) в заблуждение, и, например, Страбон (VIII. 378) говорит о тирании Бакхиадов (οἱ Βακχιάδαι τυραννήσαντες). Но здесь он, конечно, допускает явную неточность: перед нами не тирания, а олигархия, хотя и крайняя.

Кстати, теперь как раз уместно коснуться терминологической проблематики: это поможет нам при сопоставлении характера власти Бакхиадов и Археанактидов. Геродот (V. 92), с одной стороны, напрямую говорит о режиме Бакхиадов: ἦν ὀλιγαρχίη; с другой стороны, вскоре же у него приводится прорицание Дельфийского оракула, в котором те же Бакхиады названы «мужами-монархами» — (ἀνδράσι μονάρχοισι). Казалось бы, здесь налицо противоречие: как можно назвать правление целого рода монархией, то есть единоличной властью? Но, очевидно, в архаическую эпоху острота этого противоречия не ощущалась. Далее, у некоторых более поздних авторов применительно к Бакхиадам фигурируют формы слов βασιλεύς, βασιλεύω (Diod. VII. 9; Nicol. Damasc. fr. 58 Müller). Между прочим, немаловажно, что среди этих авторов — Диодор.

Дело в том, что, как мы видели, этот историк характеризует боспорских Археанактидов как βασιλεύσαντες. Данному нюансу порой придают неоправданно большое значение, трактуя его как аргумент в пользу монархического характера режима Археанактидов (при этом, разумеется, оговаривая, что конкретным типом монархии тут была тирания, поскольку о «правильной», «отеческой», царской власти применительно к колониальному полису говорить не приходится)⁴³.

Приведем некоторые терминологические выкладки В.В. Шкорпила: «Диодор употребляет слово βασιλεύειν в четырех значениях: во-первых, в значении “быть или сделаться царем” в обычном смысле этого слова... во-вторых, в значении “сделаться тираном”...

⁴³ Ср. у Т.В. Блаватской: «Краткое и беглое упоминание Диодора (XII, 31), употребившего глагол βασιλεύω, позволяет с уверенностью (курсив наш. — И.С.) говорить о том, что Археанактиды были правителями, властвовавшими над Боспором автократически» (Блаватская Т.В. Очерки политической истории. С. 17). «Автократически» — в данном случае нужно понимать именно «монархически», «тиранически». В примечании к этой фразе исследовательница развивает свою мысль: «Уже А. Бек... отметил условность употребления Диодором выражения οἱ τοῦ Κιζιμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, так как царями Археанактиды быть не могли. Бесспорное мнение это находило неизменное признание во всех последующих трудах. Нельзя, однако, совершенно не считаться с терминологией Диодора». Насколько можно понять», «считаться с терминологией Диодора» для Т.В. Блаватской означает — читать «тираны» там, где он пишет «царствовавшие».

в-третьих, о высшей должности в Карфагене... и, наконец, в переносном значении о власти богов над вселенной... Итак, если мы примем в расчет употребление этого слова у Диодора, то мы должны считать Археанактидов царями или тиранами Боспора...»⁴⁴. Мы, конечно, не проверяли специально, действительно ли в полной мере исследователь учел все соответствующие контексты у Диодора и является ли его перечень значений интересующей нас лексемы абсолютно исчерпывающим. Но, честно говоря, полной уверенности в этом у нас нет. Достаточно отметить, пусть даже повторяясь, что сицилийский историк употребляет (*Diod. VII. 9*) то же причастие, βασιλεύσαντες, по отношению к коринфским Бакхиадам — роду, правившему *олигархически*.

Да и вообще, мы не считаем, что на основании терминологии Диодора в данном случае следует делать какие-то далеко идущие, ответственные выводы. Этот автор писал в совершенно иную эпоху, уже на исходе эллинизма, когда все реалии очень сильно изменились по сравнению с V в. до н. э.; в частности, и само понятие царской власти в результате существования эллинистических монархий приобрело совсем иное наполнение. И, между прочим, ко времени появления «Исторической библиотеки» сам Боспор уже давно был царством, что могло быть бессознательно эксплицировано Диодором на более раннее время. Как бы то ни было, ни в коем случае нельзя безоговорочно утверждать, что Диодор употребил по отношению к Археанактидам термин βασιλεύω, поскольку он твердо знал, что это была династия тиранов. Судя по всему, он вообще ничего не знал об Археанактидах сверх того (очень-очень малого), что сказал о них в своем труде.

Далее, в отличие, скажем, от термина μόναρχος, лексема βασιλεύς (и производные от нее) отнюдь не всегда ассоциировалась именно с единоличной властью⁴⁵. Вспомним о генезисе этого понятия⁴⁶: первоначально базилями именовались представители высшей элиты в формирующихся полисах. В литературе архаической эпохи отнюдь

⁴⁴ Шкорпил В.В. Археанактиды. С. 56–57.

⁴⁵ На это указывается и в важном исследовании: *Drews R. Basileus: The Evidence for Kingships in Geometric Greece*. New Haven, 1983. Эта книга написана с несколько гиперкритических позиций, но ценные идеи в ней, бесспорно, есть.

⁴⁶ О его микенском происхождении см., в частности: *Iacovou M. From the Mycenaean qa-si-re-u to the Cypriote pa-si-le-wo-se: The Basileus in the Kingdoms of Cyprus // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 2006. P. 315–335.

не редкость — упоминания «басилеев» во множественном числе⁴⁷. Уж Гесиода-то, мы полагаем, читали все, и каждый может подтвердить, что он говорит о «царях-дароядцах». Иными словами, у этого беотийского поэта под властью басилеев явно понимается некая форма олигархии, а отнюдь не то, что мы подразумеваем под царской властью.

Нам, правда, могут возразить в том духе, что Гесиод отразил реалии более раннего времени по сравнению с деятельностью Археанактидов. Это так; однако вспомним, что, как отмечалось выше, и у более поздних авторов, вплоть до Диодора и Страбона, применительно к олигархии Бакхиадов (то есть к заведомо коллегиальному правлению) употребляются слова из семантических групп «басилия», «тирания», «монархия».

В чем еще имеется параллель между Археанактидами и Бакхиадами? Последних, как известно, свергнул Кипсел (между прочим, сам происходивший из Бакхиадов по женской линии) и стал после этого тираном. Таким образом, в обоих случаях переход власти происходит к тирану не от предыдущего тирана, а от группы лиц, от рода, который ранее коллективно осуществлял властные функции. Спарток, напомним, перенял власть у Археанактидов в целом, как видно из свидетельства Диодора.

Разумеется, если бы коринфские Бакхиады были единственным известным из источников примером олигархии одного рода, некорректно было бы привлекать имеющиеся о них данные для обоснования суждений о характере режима Археанактидов: единичный случай (так сказать, «исторический гапакс») может ведь ничего и не доказывать. Однако имеются и другие примеры аналогичного рода.

Так, в лесбосской Митилене «в последней трети VII в. до н. э. уже не было царского владычества, но представители старого царского рода Пенфилидов образовали, подобно Бакхиадам в Коринфе, династическую олигархию, обладавшую полной властью»⁴⁸. Под «ди-

⁴⁷ Gallotta B. Basileis ed eupatridai // Istituto lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche. 1979. Vol. 113. P. 261–276; Cordano F. 'Basiléés dorophágoi' e 'dikaspóloi' // Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano). 1996. Vol. 22. P. 3–8; Mazarakis Ainian A. The Archaeology of Basileis // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 181–211; Crielaard J.P. Basileis at Sea: Elites and External Contacts in the Euboean Gulf Region from the End of the Bronze Age to the Beginning of the Iron Age // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 271–297.

⁴⁸ Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. 1: Darstellung. München, 1967. S. 91.

настической олигархией» (eine dynastische Oligarchie) выдающийся немецкий ученый Гельмут Берве, из главного труда которого приведена эта цитата, несомненно, подразумевает ту самую крайнюю форму олигархии, которую Аристотель назвал «династией». Таким образом, и Берве понимал аристотелевскую «династию» как олигархию одного рода (к чему склоняемся и мы); обратим внимание на то, что он напрямую сравнивает Пенфилидов с Бакхиадами.

О Пенфилидах, что интересно, сообщает нам тот же Аристотель. Он же приводит и детали их конца: «...в Митилене Мегакл напал со своими друзьями на Пенфилидов, которые, шатаясь по городу, били встречных дубинами, и перебил их» (*Arist. Pol.* 1311b25 sqq.). Так и в Митилене на смену крайней олигархии пришла на смену тирания. Правда, не сразу, как в Коринфе: успел еще случиться стасис, поборолась между собой знатные роды Археанактидов (!) и Клеанактидов⁴⁹, и только после этого властью овладел тиран Меланхр.

«Олигархии одного рода» зафиксированы и в полисах архаической Ионии⁵⁰. Это, например, Басилиды в Эфесе, Нелеиды в Милете. Одним словом, всё говорит о том, что перед нами не какие-то редкостные, исключительные феномены, а вполне распространенное явление.

Итак, можно практически с полной уверенностью констатировать: боспорские (пантикапейские) Археанактиды были знатным родом. Название его происходило либо от имени основателя (мифического или исторического) — некоего Археанакта (последнего никак нельзя считать первым тираном на Боспоре, да и вообще далеко не факт, что он жил в этом регионе, — скорее гораздо раньше на Лесбосе или в Милете), либо от выражения ἀρχαῖοι ἄνακτες — «древние владыки». Последний вариант представляется нам более вероятным. Возможно, этот род вел свое начало от семьи ойкистов Пантикапея. Правление же этих Археанактидов было олигархическим, то есть коллегиальной властью некоего (весьма узкого) круга элиты, сводившейся к одному роду.

Таким образом, приходится констатировать, что события 438/437 г. до н. э. в Пантикапее были не банальным переворотом, а фактом, имеющим самое прямое отношение к процессу политогенеза: впервые вза-

⁴⁹ Berve H. Die Tyrannis. Bd. 1. S. 92.

⁵⁰ Недавно вышедшую монографию М.Ю. Лаптевой по ранней истории Ионии (*Лаптева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н. э.* СПб., 2009) можно оценивать по-разному. Но в любом случае весьма полезной представляется помещенная исследовательницей в качестве приложения к этой книге сводная таблица, включившая основные события политической жизни архаических ионийских полисов (что самое важное, со ссылками на свидетельства источников).

мен олигархии установилась монархия в форме тирании, которой суждено было стать удивительно долговечной, перерасти в правильную царскую власть, продлиться «от времен Перикла до времен Митридата» и т.д. Повторим и подчеркнем: начало боспорской тирании следует связывать с приходом к власти Спартока I, а не с чем-либо иным.

2. *О протоэллинизме (предэллинизме) — на Боспоре.* Категория «протоэллинизма» (или «предэллинизма», способ выражения не имеет значения⁵¹) может трактоваться только в связи с общим пониманием категории эллинизма как такового. В противовес безраздельно господствующему в нашей современной науке мнению (ведущему свое происхождение еще от Дройзена), мы твердо убеждены, что эллинизм — явление, имеющее отношение прежде всего не к этническим или культурным процессам, а именно к политогенезу. Как конкретно это понимать — далее и будет говориться⁵².

Предварительно укажем, что тезис о «протоэллинизме на Боспоре» был в наиболее акцентированной форме высказан В.Д. Блаватским⁵³. Впоследствии этот тезис (особенно в самое последнее время) часто критиковался⁵⁴. Даже С.Ю. Сапрыкин, в более ранних своих работах скорее склонявшийся к принятию идеи «протоэллинизма», в исследованиях последнего времени высказывает значительно больший скептицизм по этому поводу⁵⁵.

Это связано с тем, что категорией «предэллинизма»⁵⁶ (которая, по нашему мнению, имеет полное право на существование, поскольку

⁵¹ У нас употребляют то термин «протоэллинизм», то термин «предэллинизм», причем подчас между ними даже находят какие-то отличия, нюансы и т.п. Автор этих строк честно признаётся, что никаких таких отличий он при всём усилии не видит. Соответственно, в дальнейшем изложении эти два термина могут употребляться как взаимозаменяемые синонимы. Лично мы предпочитаем говорить «предэллинизм».

⁵² В достаточно краткой форме. Значительно подробнее о том же будет сказано во вводной главе подготавливаемой нами ныне четвертой, завершительной монографии из серии «Античная Греция: политики в контексте эпохи».

⁵³ В ряде работ, но особенно отметим его статьи «Период протоэллинизма на Боспоре» и «О периоде протоэллинизма в Северном Причерноморье», вошедшие в посмертный сборник его трудов: *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. С. 109–132.

⁵⁴ См., в частности, развернутую критику: *Завойкин А.А.* «Боспорский феномен».

⁵⁵ Характерна в этом плане работа: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании.

⁵⁶ Ее в работах прошлых лет достаточно часто вводили применительно к процессам, имевшим место в IV в. до н. э. — именно постольку, поскольку поступательный ход этих событий, как известно, привел в конечном счете к эллинизму. Категорией «предэллинизма», например, активно пользовались авторы одного из лучших, классических отечественных обобщающих коллективных трудов по истории древнего мира: *Вейнберг И.П.* Предэллинизм на Востоке // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 183–197; *Глускина Л.М.* Предэллинизм на Западе:

несет определенное реальное содержание), с одной стороны, порой несколько злоупотребляют; с другой — раздаются призывы во все от этого термина отказаться, поскольку он-де не имеет никакой эвристической ценности и не соответствует какому-либо реальному явлению⁵⁷. С последней точкой зрения, как ясно из вышесказанного, мы не можем согласиться, но и чрезмерно расширительное, расплывчатое употребление понятия «предэллинизм» нам не близко. На наш взгляд, причина недоразумения — терминологическая нечеткость (как часто бывает). Когда речь заходит о терминах и понятиях, первое и самое главное — дать им по возможности исчерпывающее, сущностное определение, исключаящее неясности.

Первым же шагом должен стать вот какой. Прежде чем толковать о понятии производном, совершенно необходимо хоть как-то разобраться с понятием, от которого оно произведено. В данном конкретном случае это означает, что любому разговору о *предэллинизме* должен предшествовать экскурс об эллинизме как таковом.

Отечественная историография выгодно отличается от всех прочих в том отношении, что в ней уже с довольно давних пор проявился углубленный интерес к теоретическому осмыслению феномена эллинизма и, соответственно, начал на серьезном уровне подниматься вопрос о значении самого термина «эллинизм» (термина, как все знают, введенного Дройзенем в известной степени случайно и в чем-то даже, строго говоря, неудачно, что, само собой, ни в малейшей мере не отменяет реальность самого явления). Ключевой стала (да и по сей день остается) дискуссия рубежа 1940-х — 1950-х гг., протагонистами которой выступили А.Б. Ранович⁵⁸ и К.К. Зельин⁵⁹.

Первый считал эллинизм определенным закономерным этапом в развитии рабовладельческого общества. Его точка зрения, бесспорно, страдавшая бросавшимся в глаза догматическим схематизмом (в чем-то характерным для тогдашнего уровня советского антиковед-

Греция и Македония в IV в. до н. э. // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 218–244; Фролов Э.Д. Предэллинизм на Западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 245–260.

⁵⁷ В весьма акцентированной форме см.: — Габелко О.Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 171–181.

⁵⁸ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950.

⁵⁹ Особенно отметим статью: Зельин К.К. Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 1947. № 4. С. 145–156.

ния), не выдержала проверку временем, и ныне вряд ли найдется хоть один антиковед, который открыто объявил бы себя безоговорочным сторонником концепции Рановича.

Позиция же Зельина (ученого, в отличие от Рановича резко вышавшегося над средним уровнем тогдашней нашей науки об античности) была выигрышной в первую очередь благодаря исключительно удачно найденной формулировке: «эллинизм — понятие не отвлеченно-социологическое, а *конкретно-историческое* и не совпадает с понятием этапа в развитии рабовладельческого общества»⁶⁰.

Курсив в цитате принадлежит не нам, а самому К.К. Зельину⁶¹. Тем самым он подчеркнул главное в своей системе взглядов: эллинизм — не этап, а *конкретно-историческое явление*. Именно так обычно его концепцию и формулируют те, кто на него ссылается. В такой своей форме мнение Зельина восторжествовало и на сегодняшний день, в общем, является у нас общепринятым.

Однако не обойтись без оговорок. Прежде всего, подчас некоторые весьма авторитетные ученые, на словах вроде бы не возражая против формулировки К.К. Зельина, на деле строят ход своих рассуждений так, как если бы они фактически придерживались концепции А.Б. Рановича и считали что эллинизм есть некий неизбежный этап, «его же не преjdeши». Так, С.Ю. Сапрыкин в важной монографии о Боспорском царстве⁶² приходит к выводу о том, что реально эллинизм на Боспоре наступает гораздо позже, чем в Восточном Средиземноморье, а именно со времен Митридата Евпатора. Под всем этим прочитывается не высказываемая прямо⁶³ презумпция, согласно которой эллинизм — это именно этап, который рано или поздно должен же был наступить в рассматриваемом автором регионе⁶⁴. Налицо, таким образом, некое внутреннее противоречие.

Далее, заметим, что есть ведь, по большому счету, и еще одно, третье, понимание термина «эллинизм». Теоретически оно не артикулировано, а по существу заключается в том, что эллинизм —

⁶⁰ Зельин К.К. Основные черты. С. 146.

⁶¹ Точнее, это место в его статье выделено «разрядкой», ныне редко употребляющейся.

⁶² Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.

⁶³ Напротив, С.Ю. Сапрыкин характеризует себя в целом как сторонник взглядов К.К. Зельина (Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже. С. 266).

⁶⁴ Критику подобных представлений см.: Завойкин А.А. Эллинизм и Боспор // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 227–236.

это попросту категория из арсенала периодизации, то есть определенный период древней истории Восточного Средиземноморья, и не более того. Фактически — просто некий хронологический отрезок. А именно — тот самый, который принято датировать, грубо говоря, концом IV — I в. до н. э., а если говорить более точно — то 336–330 (или 334–330, или 323–330, *ad libitum*) гг. до н. э. Собственно говоря, в западной историографии по большей части именно так эллинизм и понимается, без лишних слов и без дальнейшей рефлексии.

Нередко эксцессы подобного словоупотребления встречаются и у нас: иными словами, что лежит в рамках вышеуказанного хронологического отрезка, — то и следует считать эллинизмом. Во всяком случае, в областях, прилегающих к восточной части средиземноморской акватории. Впрочем, порой и не только в них. Даже выражение «эллинизм в Риме» (??!) становится заглавием работы, принадлежащей перу виднейшего антиковеда⁶⁵. В факте сильнейших греческих влияний на римскую цивилизацию не усомнится, думается, никто; однако является ли это поводом употреблять в данной связи термин «эллинизм», если мы хотим придать самому термину хоть какую-то конкретность? Если с терминологией обращаться столь вольно и расширительно, то какой тогда вообще смысл в терминологии?

Заметим, наконец, что, солидаризируясь с данным К.К. Зельным определением эллинизма как конкретно-исторического явления, мы должны при этом принципиально подчеркнуть: не следует путать конкретно-историческое явление с исторической случайностью, с чем-то, наступившим вдруг и неизвестно почему. Возникновение эллинизма, разумеется, имело свои предпосылки; в этой-то связи и уместно введение категории «предэллинизма». Иными словами, предэллинизм (вариант: протоэллинизм) — это и есть некий процесс закладывания предпосылок для эллинизма.

О каких предпосылках идет речь? Это зависит от того, что мы выдвигаем как главное в эллинизме. О.Л. Габелко, недавно посвятивший специальную работу проблеме предэллинизма и в целом весьма скептически относящийся к самому этому понятию (оно «не является адекватным средством, способствующим концептуальному осмыслению феномена эллинизма»⁶⁶), считает «реальным показа-

⁶⁵ *Штаерман Е.М.* Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 140–176.

⁶⁶ *Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме. С. 171.

телем существования эллинизма... в том или ином регионе *греко-варварский синтез*»⁶⁷.

Однако бросается в глаза то обстоятельство, что здесь в качестве черты, основополагающей для эллинизма как такового, выдвигается особенность, на деле характерная лишь для обществ эллинистического Востока. Попробуем оспорить ключевой тезис О.Л. Габелко путем *reductio ad absurdum*.

Следуя логике исследователя, получается: если в каком-либо регионе античного мира рассматриваемой эпохи не фиксируется вышеупомянутый греко-варварский синтез, то, стало быть, в этом регионе не было и эллинизма.

Так ли это? Но в подобном случае мы должны решительно отказать от таких, например, словосочетаний, как «эллинистическая Греция» и «эллинистическая Македония». Если, конечно, не считать, что взаимоотношения греков и македонян — это тоже вариант «греко-варварского синтеза». Но так, разумеется, никто не думает, и когда говорят о пресловутом синтезе (будь то О.Л. Габелко или любой другой исследователь), имеют в виду, конечно, взаимоотношения эллинов с восточными «варварами» — в основном, жителями бывшей Ахеменидской державы.

А синтез в этом духе Балканская Греция, разумеется, не знала, это всем известно. И тем не менее выражения «эллинистическая Греция», «эллинистическая Македония» — вполне общепринятые, от них не отказываются и не откажутся, ибо нет в этом никакого резона. Названные регионы были неотъемлемой частью эллинистического мира как системы.

Таким образом, если мы хотим найти действительно ключевую черту, общую для всех эллинистических государств при их пестром разнообразии (в том числе имея в виду и Грецию, которая нам наиболее интересна), приходится признать, что греко-варварский синтез такой чертой не является (эллинизм мог существовать и независимо

⁶⁷ Там же. Курсив принадлежит О.Л. Габелко. Автор указывает, что следует в данном вопросе мнению К.К. Зельина, но почему-то не приводит ссылок на последнего — ни в этом месте своей работы, ни в каком-либо другом. Что же касается самого Зельина, то он, насколько можно судить, старался избегать этого чрезмерно прямолинейного (и, честно говоря, не очень понятного) выражения «греко-варварский синтез», предпочитая формулировки более тонкие, например: «Эллинизм представлял собою сочетание и взаимодействие эллинских и местных элементов экономического строя, социальных и политических отношений, учреждений, обычаев, представлений и верований»: *Зельин К.К.* Основные черты эллинизма. С. 147.

от такого синтеза), и, стало быть, необходимо продолжать поиск, но в каком-то ином направлении.

Вкратце изложим нашу собственную точку зрения на эту проблему. Насколько можно судить, между полисным, доэллинистическим этапом древнегреческой истории и этапом эллинистическим пролегает резкая грань. Перед нами — как бы два сильно отличающихся «мира», и перемены коснулись в первую очередь социально-политической психологии, что уже, в свою очередь, отразилось на формах государственного устройства и т.д.

Основной вектор интересующих нас изменений в менталитете можно определить как путь «от гражданина к подданному». Этот процесс хорошо прослежен в исследовательской литературе на материале римской истории, но не приходится сомневаться в том, что он имел место также в греческом мире, хотя и обладал там своей спецификой⁶⁸.

Поясним суть данной формулировки. Применительно к полисной эпохе основополагающими для Эллады были категории гражданина и гражданства. Хронологически их формирование, можно сказать, в точности совпадает со становлением феномена полиса⁶⁹. Категории эти были новаторскими, и сам факт их внедрения является колоссальным вкладом античных греков в развитие европейской цивилизации. Впервые понятие гражданства появилось в широком масштабе и стало общераспространенным именно в эллинском полисном мире; если мы и встречаем что-то подобное на Древнем Востоке, то лишь в зачаточном виде и как побочный, второстепенный статус, а доминирующим там всегда оставался статус подданного.

Первостепенной ролью категории гражданства объясняются очень многие неотъемлемые особенности классического полиса. В последнем приобрело ярко выраженную форму противопоставление граждан прочим слоям населения. Только граждане обладали всей полнотой прав, и гражданский коллектив был в известном смысле некоей замкнутой «кастой», державшей в своих руках власть в государстве. Можно назвать полис корпорацией граждан, сплотившейся перед лицом всего остального мира, — как окружавшего полис, так «проникавшего» в него в лице жителей без гражданских прав.

⁶⁸ На эту специфику обращается внимание в работе: Павловская А.И. «От гражданина к подданному» — имел ли место этот процесс в Греции в IV в. до н. э.? // ВДИ. 1998. № 4. С. 15–29.

⁶⁹ См. на примере Афин: Manville P.B. The Origins of Citizenship in Ancient Athens. Princeton, 1990.

Утверждением представления о свободном и полноправном гражданине, подчиняющемся только закону и тому, что закон велит, но не произвольной воле другого лица (каким бы высокопоставленным это лицо ни было), обуславливались, далее, основные черты самого полисного типа государственности. Благодаря процессу «рождения гражданства» в рамках греческого полиса, пожалуй, впервые в мировой истории сложилось правильное и стабильное республиканское устройство: гражданин в норме не должен был иметь над собой какого-то монарха (не считая «царя-закона», νόμος βασιλεύς)! Понятно, что от нормы (как всегда бывает) случались и отклонения (достаточно вспомнить хотя бы тиранию), но они и воспринимались именно как отклонения от нормы.

В любом случае, возьмем на себя смелость утверждать, что во всех полисах (даже в тех, где в данный момент времени имелся тиран) верховным носителем государственного суверенитета всё равно официально считалось народное собрание, то есть коллектив граждан, воплощенный в конкретном органе. Это подразумевала сама сущность как архаического, так и (в особенности) классического полиса⁷⁰, хотя, разумеется, в практической жизни наблюдались в той или иной степени отличия от идеала, от теории: где-то власть народного собрания была полной и реальной, где-то — скорее номинальной... Но мы ведем речь о принципе.

Упомянутый суверенитет народного собрания (коллектива граждан) проявлялся не только на внутриполитическом, но и на внешнеполитическом уровне. Это выражалось в том, что полис архаической и классической эпох являлся независимым государством со всеми необходимыми атрибутами такового. Можно, конечно, и на сей раз специально оговорить, что имеется в виду норма, от которой были возможны отклонения (упомянем, например, о политически зависимом статусе полисов, входивших в некоторые гегемониальные симмахии, — Афинская архэ предстает, понятно, самым ярким примером, но были и другие); однако имеет ли смысл вновь и вновь повторять вещи, в общем-то, тривиальные? Делаем это с единственной целью заранее подстраховаться от часто встречающихся возражений в том духе, когда указывают на исключения и отклонения, дабы оспорить сам принцип.

⁷⁰ О различиях между этими двумя типами полиса см.: Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 13 слл. Подчеркнем, что мы говорим именно о стадийно-типологических, а не хронологических различиях. В любом случае при сравнении с реалиями эллинистической эпохи архаический и классический типы полиса можно рассматривать вместе.

Характернейшей чертой полисного типа государственности было то, что он не предусматривал каких-либо особых органов власти, оторванных от народа. Полисы являлись в полном смысле слова государствами без бюрократии. Тут, думается, даже не требуется оговорка о возможных исключениях: их не было. Многие особенности полисного политического устройства проистекали из того, что гражданская община как бы «растворила» внутри себя государственные структуры.

Всё сказанное обуславливает то определение полиса, которое мы в свое время предложили, неоднократно повторяли⁷¹ и, поскольку, по-прежнему его придерживаемся, приведем вновь: полис — городская гражданская община, конституирующая себя как государство.

А теперь посмотрим под тем же углом на реалии эллинистической эпохи. И сразу бросится в глаза, что всё очень сильно изменилось. Поворот «от гражданина к подданному» свершился! Это нам представляется самым главным.

Дело, подчеркнем, даже не столько в том, что на внешнеполитической арене тон теперь задавали большие и огромные государства, тогдашние «сверхдержавы» — эллинистические монархии. Хотя, конечно, и в этом тоже. Произошел скачок от мира, — где доминировали суверенные республиканские полисы, к миру, где доминировали крупные монархические государства. Но наряду с этими последними, конечно же, остались и полисы. Те же города Балканской Греции никуда не делись и полисного статуса не утратили. В связи с этим наше ключевое положение может быть оспорено: полисы были, граждане были — так не преувеличиваем ли мы масштаб перемен?

Для того, чтобы попытаться показать, что не преувеличиваем, — укажем на следующие моменты. Очень часто бывает, что при сохранении некоторых внешних форм становится со временем совершенно иным их внутреннее содержание, и это способно ввести в заблуждение относительно степени континуитета/дисконтинуитета, — особенно если придавать форме большее значение, нежели содержанию, что вряд ли следует делать.

Насколько можно судить, именно таким образом обстояли дела и в нашем случае. В другом месте⁷² мы показываем это на примере

⁷¹ Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 38; *он же*. — Греческий полис. С. 21; Дементьева В.В., Суриков И.Е. Античная гражданская община: греческий полис и римская *civitas*. Ярославль, 2010. С. 18.

⁷² Суриков И.Е. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 297 слл.

Афин. Классическая афинская демократия была ниспровергнута в 322 г. до н. э. После этого она неоднократно объявлялась возрожденной, но фактически всякий раз можно говорить лишь о «пустой оболочке» подлинного народовластия, о громком слове без какого-либо реального наполнения.

Политическая система, существовавшая в афинском полисе на всем протяжении эллинистического периода (а затем и римского), официально по-прежнему именовалась демократией. Причем после каждого очередного переворота лица, пришедшие к власти, торжественно провозглашали, что та демократия, которая была раньше, до них, не являлась истинной, а вот истинная именно теперь-то и будет организована.

Это неоднократно вводило в заблуждение историков — как в древности, так и в наши дни. И поныне ведутся споры о том, когда же афинская демократия реально прекратила свое существование. Не все согласны с традиционной точкой зрения, согласно которой это произошло в 322 г. до н. э., на рубеже эпох классики и эллинизма. Порой можно встретить мнение о завершении истории народовластия в Афинах около 260 г. до н. э. (то есть после Хремонидовой войны)⁷³, а то и еще позже. Перед нами — типичная аберрация, вызванная чрезмерной акцентировкой чисто формальной стороны дела.

На деле же в эпоху эллинизма в Афинах утвердилась самая обыкновенная олигархия. Умеренная, маскирующаяся под демократию, — но тем не менее олигархия. Как говорится, не всё то золото, что блестит. Не каждый режим, официально именуемый себя демократией, на деле является таковым. Мы бы рискнули заявить, что само слово «демократия» в эллинистическую эпоху изменило свой смысл по сравнению с тем, который оно имело в классических Афинах. По сути дела, теперь демократическим называл себя тот полис, который являлся (или считал, что является) независимым, а какова система его внутреннего управления — это уже имело не столь большое значение.

Происходило изменение семантики важнейших понятий, фактически — лексическая девальвация⁷⁴. Думается, не иначе, чем с демократией, обстояли дела также с категориями полиса и граж-

⁷³ Например: *Dreyer B. Wann endet die klassische Demokratie Athens? // Ancient Society. 2001. Vol. 31. P. 27–66.*

⁷⁴ Интересные рассуждения о феномене подобной девальвации терминов (хотя и в совсем другой связи) см.: *Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 114 слл.*

данина/гражданства. Сразу припоминается, между прочим, вот какой небезынтересный нюанс. Доэллинистические полисы более чем скупой раздавали чужеземцам право гражданства. Дабы добиться такого, нужно было совершить что-либо действительно значительное. Время эллинизма, как хорошо известно, характеризуется чуть ли не повсюду в греческом мире пышным букетом проксенических декретов жителям иных государств, с предоставлением подчас всех возможных привилегий, вплоть до пресловутой *πολιτεία*. Контраст достаточно резкий, и о чем-то, полагаем, он должен говорить? Ответ, кажется, ясен: охотнее делятся тем, чем меньше дорожат.

Что произошло с внутренним и внешним самоощущением «потомков Фемистокла и Аристида», из-за чего они в эллинистическую эпоху — при достаточно полном сохранении прежних институциональных реалий, выработанных во времена расцвета полиса! — с радостью довольствовались ролью льстивых подхалимов какого-нибудь очередного Деметрия (Антигона, etc.)? И это — при том, что, допустим, на рубеже VI–V вв. до н. э. их сильно коробило дать «землю и воду» персидскому сатрапу в Сардах, и, чтобы не делать этого, они готовы были идти на смерть, лишения, разрушение врагами родного города и пр. (хотя даже в случае победы персов ахеменидский сановник вряд ли водворился бы в святыне Акрополя⁷⁵). Снова и снова повторим: без учета изменений в социальной психологии тут, видимо, трудно что-либо будет понять⁷⁶.

Сравним то, что было сказано выше об основных характеристиках классического полиса, с тем, что наступило впоследствии. Резкая грань между гражданами и прочими? Вышеупомянутый «ливень проксений» с дарованием прав гражданства «нужным» иноземцам — прекрасное свидетельство того, что такая грань больше не существовала. Открылись ворота в ту самую некогда замкнутую «касту», или корпорацию. Открылись, подчеркнем, уже в IV в. до

⁷⁵ Суммирование преобладающих в современной науке взглядов, согласно которым цели Ахеменидов в Греции были весьма умеренны (в противовес ранее господствовавшей точке зрения о том, что они хотели чуть ли не завоевать Элладу и сделать ее сатрапией), см., например: *Wiesehöfer J. Greeks and Persians // A Companion to Archaic Greece*. Oxford, 2009. P. 162–185.

⁷⁶ Правильно, между прочим, указывают ведущие отечественные специалисты (Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. Вып. 13. С. 5–21), что в Спарте IV в. до н. э. «первопричиной кризиса стал слом традиционной морали и традиционных норм поведения», то есть те же социально-психологические факторы, принципиальные изменения в системе ценностей.

н. э. (это к вопросу о предэллинизме), о чем далее еще будет сказано. Как нам представляется, это было уже некое разрушение самой категории гражданства.

Идем далее. Гражданин, подчиняющийся только закону, а не произволу иного лица? Всё это тоже осталось в прошлом. Думается, тут даже нет нужды в какой-то чрезмерно развернутой аргументации. Хрестоматийны рабелепные эксцессы афинян, еще не успевших, казалось бы, забыть о демократии, перед Деметрием Фалерским, Деметрием Полиоркетом и др. Да и как могло быть иначе в мире, окруженном эллинистическими монархиями, где воля царя официально провозглашалась законом, — иными словами, закон и произвол совпадали?

Так, в числе прочего, пришел конец и суверенитету демоса. В особенной степени сказанное, конечно, применимо к внешнеполитической арене. Если мы попробуем данное выше определение полиса («городская гражданская община, конституирующая себя как государство») применить к полисам эллинистическим, то возникнут весьма серьезные сложности — именно в связи с той частью определения, которая здесь выделена курсивом. А эта характеристика представляется нам исключительно важной⁷⁷, поскольку акцент на ней позволяет отличать полис от других гражданских общин, существовавших даже и в той же Греции, но государствами не являвшихся. Достаточно вспомнить, например, о демах в Аттике. Они ведь тоже являлись гражданскими общинами; более того, дем — в некоторых отношениях полис в миниатюре, что давно уже было замечено: в античности Фукидидом (II. 16), в современной историографии целым рядом исследователей⁷⁸. В демах имелись даже органы местного самоуправления, копировавшие общеполисные институты и располагавшие довольно существенными полномочиями.

Соответственно, автору этих слов представляется необходимым максимально рельефно, полемически-заостренно сформулировать свое отношение к эллинистическим полисам, дабы в его позиции были расставлены все точки над *i*. Часто подчеркивают, что полис-

⁷⁷ Суриков И.Е. Греческий полис. С. 21–23.

⁷⁸ Например: Hurwit J.M. The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985. P. 278; Osborne R. The Demos and its Divisions in Classical Athens // The Greek City from Homer to Alexander. Oxford, 1991. P. 265 ff.; Whitehead D. Athenian Demes as Poleis (Thuc. 2. 16. 2.) // ClQ. 2001. Vol. 51. No. 2. P. 604–607; Суриков И.Е. ДΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.

ные формы жизни оказались весьма живучими, что они продолжали свое существование и в период эллинизма, и позже, вплоть до конца античности. В целом ряде отношений это, бесспорно, так. Но можно ли считать полноценными полисами те полисы, которые находились на территории эллинистических монархий и подчинялись власти их царей? Мы в этом не уверены — именно потому, что они уже не являлись политически суверенными. Общинами (и даже, если абстрагироваться от нюансов, гражданскими общинами) они, разумеется, оставались, но не были уже государствами. И, во всяком случае, *sub specie* архаического и классического полиса эти эллинистические полисы — вопиющее отклонение от нормы.

Чем они, в сущности, отличались от тех же афинских демов, если над ними стоял высший суверен? Свою точку зрения в этой форме мы излагали уже и ранее⁷⁹, но теперь, пожалуй, пойдем даже дальше и распространим сказанное не только на полисы внутри эллинистических монархий, но и на полисы этого времени, расположенные в самой «старой Элладе». В них наблюдалась, в сущности, аналогичная ситуация, пусть не в столь откровенной, а как бы завуалированной форме. Былые принципы, сохраняясь на словах, подверглись — назовем это как угодно — перерождению, деформации... Одним словом, полисный суверенитет находился в подавленном состоянии. Справедливо отмечается, что, как минимум, с 322 г. до н. э. вмешательство царей во внутренние дела полисов стало «повседневной реальностью»⁸⁰. И это, подчеркнем, не было результатом только внешнего завоевания со стороны Македонии, то есть какой-то роковой случайностью; нет, речь следует вести о закономерном итоге длительного *внутреннего* процесса.

Вернемся к предэллинизму. Вполне корректным представляется говорить отдельно о предэллинизме на Востоке и предэллинизме на Западе, ни в коей мере не смешивая их друг с другом, поскольку это весьма разные вещи, не имеющие практически ничего общего друг с другом.

При этом, что касается предэллинизма на Востоке, О.Л. Габелко, как нам кажется, привел в вышецитированной статье достаточно серьезные аргументы, заставляющие поставить под вопрос саму ре-

⁷⁹ Суриков И.Е. Греческий полис. С. 23.

⁸⁰ Paschidis P. *Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 BC)*. Athens, 2008. P. 31.

альность данного феномена. Исследователь оперирует в основном материалом из Малой Азии и делает следующее, в высшей степени интересное наблюдение. В тех малоазийских регионах, в которых уже в IV в. до н. э. греко-варварский синтез обнаруживался в особенно сильной степени (Кария, Ликия) и которые поэтому, казалось бы, закономерно потом, уже при эллинизме, было бы встретить в числе лидеров, напротив, в послеалександровское время не происходит ничего достопримечательного; Более того, они претерпевают ослабление и не являются уже полноценными «участниками игры». С другой стороны, там, где в эпоху, предшествовавшую эллинизму, греко-варварский синтез проявлялся слабее (Мисия, Вифиния) или совсем слабо (Понт, Каппадокия), возникают мощные центры силы, эти области переживают расцвет, и в них складываются полноценные очаги эллинистической цивилизации со всей ее спецификой.

Таким образом, нельзя вести речь о каком-то едином, целостном, последовательно и закономерно проходившем процессе, поскольку таковой подразумевал бы, выражаясь языком драматургической теории, «единство времени, места и действия». Оставаясь в рамках той же метафорики, не одна-единственная большая драма разыгрывалась на малоазийских пространствах, а несколько совершенно разных драм, — хоть и связанных друг с другом, но с различными «главными героями». И в то время, как одни из этих драм близились к развязке, — другие вступали в стадию кульминации, а третьи вообще только начинались.

Иными словами, «предэллинизм» здесь и впрямь ни при чем, а действовали совершенно иные факторы. На наш личный взгляд, в данном случае тоже следует вести речь об «эстафетном» развитии, которое имело место, кстати, и в Балканской Греции (регионы как бы перенимают друг от друга роль «авангарда» цивилизационного процесса).

Собственно, искать предэллинизм на Востоке, если вдуматься, будет действительно тупиковым путем. Ведь именно для Востока начало эллинизма, насколько представляется, не стало логическим завершением назревавших там процессов, а явилось следствием внешнего вмешательства — походов Александра Македонского и завоевания им Персидской державы. В этом смысле вполне можно сказать, что для Востока эллинизм был в известной мере исторической случайностью, обусловленной только тем, что западнее Персии — и совсем рядом — находились Эллада и Македония, из которых экспансия началась. Не было бы их или лежали бы они

далеко, — не было бы и этой экспансии, а значит, восточные общества остались бы более или менее прежними, и эллинистическая цивилизация на их основе не сложилась бы, своими силами они бы ее не породили.

Итак, хотим мы того или не хотим, — а предпосылки эллинизма следует искать на Западе, именно там, «откуда всё пошло». О.Л. Габелко в этом отношении прибегает к чрезмерно категоричным формулировкам, считая, что, по крайней мере, в отечественной литературе «предэллинизм на Западе» трактуется в чисто временном аспекте, «как просто “до-эллинистический” отрезок античной истории»⁸¹. Не можем с этим согласиться: между прочим, именно в российском антиковедении сделано немало для того, чтобы разобрать проблему не в примитивно-хронологическом, а в сущностном смысле, показать, как зарождались новые реалии, в результате чего мир в конечном счете принципиальным образом изменился. Перейдем теперь именно к этому (некоторые замечания были уже сделаны выше, но теперь мы их разовьем и дополним новыми соображениями).

Уже у Демосфена в речи «Против Лептина», произнесенной в 355/354 г. до н. э. указывается, в связи как раз с боспорскими Спартокидами, на серьезную правовую коллизию (*Demosth.* XX. 30–41). Начали появляться случаи, когда в проксенических декретах чествуемому предоставлялись, наряду с ателией и пр., полные гражданские права. Разумеется, последнее пожалование, как правило, имело чисто почетный характер: все прекрасно понимали, что тот же Левкон I реально на жительство в Афины не переберется⁸². Но в результате складывалась парадоксальная ситуация: поскольку обычные, «исконные» афинские граждане ателии не имели, в силу охарактеризованной выше практики в полисе появлялись граждане, которые были более привилегированными, чем остальные. Причем этими «супергражданами» — парадоксальность усиливается — являлись иноземцы.

Одним из таковых был, как видим, знаменитый боспорский тиран Левкон I (соответственно, этот статус унаследовали его дети и

⁸¹ Габелко О.Л. Еще раз о проблеме. С. 173.

⁸² Хотя, в принципе, такие случаи бывали, например, в V в. до н. э. — Менон Фарсальский (Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 155), Гераклид Клазоменский (Рунг Э.В. Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 87–88). Другие примеры см.: Plat. Ion 541cd. Но ясно, что к Левкону I подобная ситуация неприменима.

потомки). Главное нарративное свидетельство о данном факте — именно цитированная речь Демосфена. Великий оратор ведет к тому, что, если псефисма Лептина (запрещавшая предоставление ателии) будет принята, то Левкона можно будет, как обычного гражданина, подвергать литургиям и т.п. Иными словами, владыка Пантикапея уподобится в данном отношении нормальному афинянину, и Демосфену это кажется возмутительным. Уже в самой подобной постановке вопроса, кстати говоря, сквозит некое подобострастие. А чем, собственно, Левкон лучше или выше среднего афинянина? — спросил бы любой участник народного собрания в V в. до н. э. — Тем, что он тиран? Одним словом, аргумент в подобном духе — есть, дескать, некий особо выдающийся человек, на которого общие «правила игры» не должны распространяться, — никак не подействовал бы (или подействовал бы скорее негативно) на аудиторию в эпоху расцвета афинской демократии⁸³, когда существовала гражданственная психология. В следующем столетии, когда начала складываться психология подданного, такие доводы, несомненно, уже принимались во внимание.

Почести, оказывавшиеся в Афинах боспорским Спартокидам, отнюдь не прекратились на Левконе. В дальнейшем они отразились, в частности, в появлении ряда памятников искусства⁸⁴. Так, достаточно ярким и информативным памятником следует считать скульптурный рельеф, венчавший стелу с почетным декретом в честь сыновей Левкона — Спартока II, Перисада I и Аполлония (IG. II². 212). Памятник точно датируется (по имени архонта и указанию номера притании) 346 г. до н. э. Сам декрет хорошо сохранился. Он, если читать его внимательно, оказывается весьма интересен по своему общему духу — в том плане, что он являет собой характерный памятник переходной эпохи. В нем причудливо переплелись былое

⁸³ См. в данной связи наши соображения в работах: Суриков И.Е. Державный демос — правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н. э.) // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2008. С. 67–80; *он же*. Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин // ИИАО. Вып. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 37–60.

⁸⁴ В связи с нижеследующим см.: Завойкин А.А. Σάτυρος Динарха (I. 43 Blass) и satyrus Плиния (NH. XXXIV. 64) (к вопросу о культе правителя на Боспоре) // ДБ. 2008. Т. 12. Ч. 1. С. 196–225; Суриков И.Е. О некоторых памятниках афинского искусства, имеющих отношение к Боспору // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной конференции. СПб., 2009. С. 85–88.

достоинство и нарастающее раболепие. Нам представляется, что имеет смысл привести здесь данную надпись в русском переводе⁸⁵.

«Спартоку, Перисаду, Аполлонию, сыновьям Левкона.

В архонтство Фемистокла, в восьмую пританию (филы Эгеиды), когда Лисимах, сын Сосидема, из Ахарн был секретарем, Феофил из Галимунта был эпислатом, Андротион, сын Андрона, из Гаргетта внес предложение: по поводу того, о чем написали Спарток и Перисад и доложили послы, прибывшие от них, ответить им, что народ афинян восхваляет Спартока и Перисада, так как они — мужи доблестные и обещают народу афинян заботиться об отправлении хлеба, как заботился и их отец, и горячо содействовать в том, о чем попросит народ афинян. Послы должны доложить им, что, поступая так, они ни в чем не встретят препятствия со стороны народа афинян. Поскольку же они посылают дары афинянам, какие посылали и Сатир с Левконом, то и Спартоку с Перисадом будут дары, которые народ дал Сатиру и Левкону. И увенчивать⁸⁶ обоих на Великих Панафинеях золотым венком стоимостью в тысячу драхм. Изготавливать же венки должны афлофеты в год, предшествующий Великим Панафинеям, согласно народному постановлению, принятому ранее относительно Левкона. И публично возвещать, что народ афинян увенчивает Спартока и Перисада, сыновей Левкона, за их доблесть и благосклонность к народу афинян. А когда посвящают венки Афине Полиаде, афлофеты должны посвящать венки в храм, сделав следующую надпись: Спарток и Перисад, сыновья Левкона, посвятили Афине, будучи увенчаны народом афинян. Деньги же афлофетам на венки должен выдавать народный казначей из средств, согласно постановлениям выделяемых народу. А на нынешнее время аподекты должны передать деньги на венки из воинских средств⁸⁷. Секретарь Совета должен написать это постановление на каменной стеле и

⁸⁵ Переведено нами по изданию, которое на сегодняшний день, очевидно, является последним по времени: *Rhodes P.J., Osborne R. Greek Historical Inscriptions 404–323 BC.* Oxford, 2007. P. 318 ff. (No. 64).

⁸⁶ Глагол употреблен в имперфекте, что означает именно некое регулярно производимое действие, а не единичный акт. Иными словами, соответствующая почесть должна оказываться Спартокидам на *каждых* Великих Панафинеях, проводившихся, как известно, раз в четыре года (по тогдашнему счету это называлось «каждый пятый год»).

⁸⁷ Имеется в виду так называемый военный фонд, существовавший в Афинах в IV в. до н. э. О нем см.: *Leppin H. Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhundert v.Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 1995. S. 557–571.

установить его близ той, в которой говорится о Сатире и Левконе, а на надпись народный секретарь должен выдать тридцать драхм. Восхвалить и послов Сосия и Феодосия за то, что они заботятся о прибывающих из Афин в Боспор, и пригласить их на завтра на угощение в пританее. Касательно же денег, которые мы должны сыновьям Левкона, о том, чтобы они их получили, пусть позаботятся проэдры, которым выпадет жребий председательствовать на восемнадцатом народном собрании, сразу после священных дел, — чтобы они (сыновья Левкона. — *И.С.*), получив деньги, не порицали народ афинян⁸⁸. И дать моряков, о которых просят Спарток и Перисад. Послы же должны записать имена тех моряков, которых они возьмут, у секретаря Совета. Те же, кого они запишут, должны получить приказ: делать всё, что могут, для блага сыновей Левкона. Полиевкт, сын Тимократа, из Крии внес предложение: прочее оставить, как предложил Андриотон, но увенчать и Аполлония, сына Левкона, из тех же средств».

Через какое-то время Спартокидам была в Афинах оказана новая, еще более весомая почеть — на сей раз по инициативе Демосфена. Об этом узнаем из произнесенной в 324 г. до н. э. речи оратора Динарха против Демосфена: «...неужели Демосфен даром предложил... поставить на площади (т.е. на афинской Агоре, в почетнейшем месте. — *И.С.*) медные статуи Перисада, Сатира и Горгиппа, тиранов с Понта, от которых ему ежегодно присылается по тысяче медимнов пшеницы...» (*Dinarch. I. 43*).

Всё познаётся в сравнении. Суть вышерассмотренных эпизодов со Спартокидами становится более ясной, если сопоставить их, например, со случаем, имевшим место в тех же Афинах в начале V в. до н. э. и связанным с Мильтиадом, марафонским победителем.

«Мильтиад домогался было масличного венка, но декелеец Софан, встав со своего места в народном собрании, произнес хотя и не слишком умные, но всё же понравившиеся народу слова: “Когда ты, Мильтиад, в одиночку побьешь варваров, тогда и требуй почестей для себя одного”» (*Plut. Cim. 8*). В этих словах в полной мере

⁸⁸ Поневоле закрадывается мысль: а не здесь ли на самом деле «собака зарыта», — по крайней мере, отчасти? Как выясняется, афиняне были должны боспорским тиранам какие-то деньги (скорее всего, из-за постоянного дефицита средств, характерного для IV в. до н. э., не полностью расплатились за хлебные поставки). Уж не по этой ли причине — для напоминания о долге — Спартокиды отправили в Афины своих послов? Ведь трудно предположить, что послы прибыли лишь для того, чтобы выслушать новую порцию хвалебных слов о своих правителях и пообедать в Пританее.

слышен полисный коллективизм, который стал после клисфеновских реформ достоянием всего демоса. Граждане были убеждены в том, что победа при Марафоне — их общее дело, а не единоличная заслуга полководца. Не случайно Аристотель (Ath. pol. 22. 3) отмечает, что именно после Марафонского сражения народ «стал чувствовать уверенность в себе».

И ведь чего просил Мильтиад? Всего-навсего одноразового вручения венка из листьев оливы. А отнюдь не регулярного увенчания золотым венком стоимостью в тысячу драхм, тем более — упаси Боже! — не статуи в свою честь. Однако и в желаемой им скромной награде ему было отказано. Спартокидам полтора века спустя уже не отказывали ни в чём. И это несмотря на то, что, как бы велики ни были их заслуги перед афинянами, всё же они в несравненно меньшей степени могли считаться благодетелями Афин, нежели Мильтиад, спасший город от вражеского завоевания.

Итак, о чем говорит нам затронутый сюжет о связях афинян с боспорскими тиранами?⁸⁹ Проявляется несколько немаловажных вещей, в полной мере иллюстрирующих излагавшиеся нами выше тезисы. Во-первых, девальвация понятия гражданства, порождавшая парадоксальные результаты. Получалось, что Спартокиды, имевшие помимо гражданских прав в Афинах еще и ателию, оказывались афинскими гражданами в большей степени, чем сами афинские граждане! Во-вторых, следует вести речь о более мягком, примирительном по сравнению с предыдущим столетием отношении афинян к тирании и тиранам.

Укажем в данной связи и на то, что в роли «заступника и ходатая» Спартокидов в Афинах оказывается не в последнюю (если не в первую) очередь не кто иной, как Демосфен. Демократизм убеждений, которым этот деятель прославлен в мировой историографической традиции (да и в целом в общественном мнении), как видим, отнюдь не мешал ему представлять интересы могущественных монархов.

Поменялся сам тип политического дискурса, и это повлияло даже на такого человека, как Демосфен. В этом плане еще более последовательными были некоторые другие идеологи, которые и в своих

⁸⁹ Об этих связях см. также весьма взвешенную по выводам работу: *Braund D. The Bosphoran Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship* (Aisch. 3.171-172; [Dem.] 34.36) // *The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday*. Aarhus, 2003. P. 197–208.

теоретических построениях проводили монархические взгляды. Рост этих монархических элементов в общественной мысли в IV в. до н. э., прослеживающийся у большинства крупнейших мыслителей эпохи, будь то Ксенофонт или Исократ, Платон или Аристотель, представляется явлением совершенно несомненным⁹⁰. Редкие попытки оспорить данный факт (например, предпринятая В. Эдером⁹¹) выглядят совершенно несостоятельными. Они опираются на довольно замысловатые умозаключения, но ведь нельзя же отрицать очевидное!

Конечно, было бы явным преувеличением говорить, что в полисном греческом мире IV в. до н. э. монархические настроения стали абсолютно преобладающими, задавали тон, вытеснили иные идеологии. В действительности, конечно, всё было намного сложнее. И по отношению к тем же Спартокидам, как мы видели, полного единомыслия не было: кто-то проводил в экклесии декреты о предоставлении им почестей, а кто-то отзывался об этом в довольно колючем тоне и без обиняков называл правителей Боспора Киммерийского одиозным словом «тираны». Однако, повторим и подчеркнем, в IV в. до н. э. по сравнению с предшествующим столетием монархические настроения явно получили теперь гораздо более значительное развитие, и это представляется нам неоспоримым.

Черты предэллинизма в IV в. до н. э. весьма четко фиксируются и в религиозной области. Голландский исследователь Х. Ферсел, попытавшийся проследить основные изменения, происшедшие в древнегреческой религии в IV в. до н. э. по сравнению с предшествующим столетием, пришел к выводу⁹²: главным из этих изменений стало появление новых, уже «эллинистических» черт. Религиозность утрачивала демократичный характер, в ней нарастали

⁹⁰ Ранее, в V в. до н. э., монархия воспринималась как прямая противоположность демократии: *Braund D. Friends and Foes: Monarchs and Monarchy in Fifth-century Athenian Democracy // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece. Oxford, 2000. P. 118.* Что же касается ситуации в IV в. до н. э., см., например: *Фролов Э.Д. Монархическая идея у Исократа // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969. С. 3–20; Исаева В.И. Греческая идеология IV в. до н. э. и эллинизм // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1990–1992. T. 33. P. 267–271; она же. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 113–124; *Balot R.K. Greek Political Thought. Oxford, 2006. P. 184 ff.**

⁹¹ Например: *Eder W. Monarchie und Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Die Rolle des Fürstenspiegels in der athenischen Demokratie // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 153–173.*

⁹² *Versnel H. Religion and Democracy // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 367–387.*

элементы иерархичности. Так, начала формироваться более авторитарная концепция божества: боги стали восприниматься как существа более могущественные, величественные и при этом более тираничные, чем их понимали раньше.

Другое проявление «предэллинизма» в религиозной жизни — впервые встречающиеся с конца V в. до н. э. факты прижизненного обожествления людей, видных правителей и полководцев⁹³. Ничего не могло быть более чуждого греческой религии предшествующего периода. «Не тщись быть Зевсом: у тебя есть всё. Смертному — смертное!» — говорил великий Пиндар (Isthm. V. 14, 16). Стремление уподобиться богу и — равным образом — уподобить кого-либо иному богу расценивалось как одно из самых страшных проявлений такого однозначно осуждавшегося качества, как ὑβρις. Теперь и в этом отношении времена изменились.

Первый случай обожествления — это «феномен Лисандра»⁹⁴. Спартанский наварх, главный герой последнего этапа Пелопоннесской войны, победивший Афины и установивший гегемонию своего полиса в Элладе, выступает здесь как переходная фигура. Сообщается, что «ему первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы как богу (курсив наш. — И.С.), и он был первым, в честь кого стали петь пеаны» (*Duris* ap. *Plut. Lys.* 18). Некоторые эллинические государства учредили специальные празднества, посвященные Лисандру. Столь ранний случай (пожалуй, преждевременный) предоставления божественных почестей смертному человеку на первых порах остался чем-то единичным, уникальным. Но через несколько десятилетий почва для соответствующих изменений в религиозном сознании окончательно сложилась. Некоторые шаги по собственному обожествлению, насколько можно судить, предпринимал Филипп II⁹⁵. А со времен Александра Македонского обожествление правителя стало чуть ли не нормой.

Итак, на всех уровнях менталитета, от религии до политической мысли, в IV в. до н. э. проявлялись принципиально новые процес-

⁹³ Суриков И.Е. Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н. э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. 2–3. М., 2005. С. 7–34.

⁹⁴ Muccioli F. Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, *Lysander* 18 // The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society. Vol. 2: The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives. Leiden — Boston, 2005. P. 199–213.

⁹⁵ Зелинский Ф.Ф. Религия эллинизма. Томск, 1996. С. 103.

сы. Они говорили о том, что традиционная полисная ментальность исчерпала себя вместе с классической полисной цивилизацией и теперь уступала место иной системе ценностей и представлений, характерной для грядущего мира эллинистических государств. Было буквально «невооруженным взглядом» видно, как что-то ощутимо меняется.

Обычно считается, что эллинскую свободу сокрушила Македония — внешний, привходящий фактор. А если бы не она? К чему привело бы развитие событий, если бы греки оказались предоставлены сами себе? Создается впечатление, что «великий греческий эксперимент» и сам собой уже заканчивался. Постоянные похвалы монархической форме правления в трудах политических теоретиков IV в. до н. э., если вдуматься, просто не могут не поразить. Греки, пожалуй, не вынесли бремени полисной свободы, устали от нее⁹⁶ и от сопряженной с нею ответственности, возжелали переложить эту ответственность и эту свободу на чьи-нибудь чужие плечи. Соответственно, они вступили на путь, ведущий «от гражданина к подданному». Не Филипп II — так кто-нибудь другой рано или поздно явился бы, чтобы удовлетворить, воплотить в жизнь эти чаяния. Да и победа объединительных тенденций — неважно, привнесенных извне или вызревших изнутри — в любом случае приводила к отказу от ключевых элементов прямой демократии, характерной для полиса.

Резюмируем. Вышесказанное было направлено на то, чтобы показать: категория предэллинизма применительно к древнегреческой истории IV в. до н. э. вполне правомерна, ее нельзя отвергать, поскольку она помогает при объяснении и интерпретации ряда исторических явлений. Суть же предэллинизма, как мы попытались продемонстрировать, заключалась в глубоких изменениях в менталитете и идеологии, в пресловутом пути «от гражданина к подданному». Во всяком случае, именно данный аспект процесса мы сочли необходимым специально акцентировать.

В свете всего этого и следует решать вопрос о том, имел ли место предэллинизм на Боспоре. Шло ли в данном регионе в IV в. до н. э. движение «от гражданина к подданному»? Совершенно бесспорно,

⁹⁶ Ср.: *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 366: «Сказывалась усталость этноса от проделанной им в минувшие столетия тяжелой работы преобразования общества и его культуры».

что шло, и едва ли не более бурными темпами, чем в самой Греции. Полисный суверенитет находился в подавленном состоянии, что позволило Спартокидам создать крупную надполисную державу. Известен как минимум один случай обожествления правителя (Перисада I, ср. Strab. VII. 310). Общий вывод представляется нам настолько напрашивающимся, что мы не видим даже смысла эксплицитно его формулировать.

Литература

- Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.
- Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 1959.
- Блаватская Т.В.* Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). СПб., 2003.
- Блаватский В.Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.
- Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985.
- Вейнберг И.П.* Предэллинизм на Востоке // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 183–197.
- Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху: Ранняя греческая тирания конца VII — середины V в. до н. э. СПб., 2004.
- Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 171–181.
- Глускина Л.М.* Предэллинизм на Западе: Греция и Македония в IV в. до н. э. // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 218–244.
- Дементьева В.В., Суриков И.Е.* Античная гражданская община: греческий полис и римская civitas. Ярославль, 2010.
- Доватур А.И.* Феогнид и его время. Л., 1989.
- Жебелев С.А.* Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953.
- Жестоканов С.М.* Олигархия Бакхиадов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 2. СПб., 2003. С. 53–64.
- Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Т. 4. С. 150–181.
- Завойкин А.А.* «Две Синдики» (заметки касаясь исторической значимости посвящения Теопротида, сына Мегакла из Нимфея) // ДБ. 2004. Т. 7. С. 150–162.

- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Оливия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 218–243.
- Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2007.
- Завойкин А.А.* Σάτυρος Динарха (I. 43 Blass) и satyrus Плиния (NH. XXXIV. 64) (к вопросу о культе правителя на Боспоре) // ДБ. 2008. Т. 12. Ч. 1. С. 196–225.
- Завойкин А.А.* Эллинизм и Боспор // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009. С. 227–236.
- Завойкин А.А.* Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора» (Diod. XII. 31, 1)? К периодизации становления Боспорского государства // Эмбатерион. Сборник статей по искусствоведению, филологии, истории. М., 2011. С. 291–299.
- Завойкин А.А.* Боспорская монархия: проблемы периодизации // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 288–298.
- Зелинский Ф.Ф.* Религия эллинизма. Томск, 1996.
- Зельин К.К.* Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 1947. № 4. С. 145–156.
- Иванчик А.И.* «Тысячелетний рейх» на Боспоре // ВДИ. 2011. № 4. С. 277–279.
- Исаева В.И.* Греческая идеология IV в. до н. э. и эллинизм // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1990–1992. Т. 33. P. 267–271.
- Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994.
- Лаптева М.Ю.* Посвящение Эака в храм Геры Самосской // Μυθήα. Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 149–156.
- Лаптева М.Ю.* У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н. э. СПб., 2009.
- Левинская И.А.* Déjà vu, или «антисемитизм» на Боспоре // ДБ. 2009. Т. 13. С. 305–327.
- Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. Вып. 13. С. 5–21.
- Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н. э. Нижний Новгород, 1997.
- Молев Е.А.* К вопросу об обстоятельствах прихода к власти на Боспоре Археанактидов // ИИАО. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999. С. 81–90.
- Павловская А.И.* «От гражданина к подданному» — имел ли место этот процесс в Греции в IV в. до н. э.? // ВДИ. 1998. № 4. С. 15–29.
- Пальцева Л.А.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские коло-

- нии. СПб., 1999. С. 267 слл.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.
- Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М., 1950.
- Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.
- Рунг Э.В.* Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 85–96.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 11–35.
- Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвяtitельная надпись из Нимфея // *Hypoboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. P. 99–121.
- Суриков И.Е.* «Полиархия» или все-таки полис? // *Studia historica*. 2004. Т. 4. С. 150–163.
- Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.
- Суриков И.Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.
- Суриков И.Е.* Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н. э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. 2–3. М., 2005. С. 7–34.
- Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006.
- Суриков И.Е.* Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // ДБ. 2007. Т. 11. С. 380–393.
- Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадияльно-типологический контекст // ИИАО. Вып. 9–10. Нижний Новгород, 2007. С. 140–156.
- Суриков И.Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008.
- Суриков И.Е.* Державный demos — правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н. э.) // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2008. С. 67–80.
- Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 2009. Т. 13. С. 393–413.
- Суриков И.Е.* О некоторых памятниках афинского искусства, имеющих отношение к Боспору // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной конференции. СПб., 2009. С. 85–88.
- Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010. С. 8–54.
- Суриков И.Е.* Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин //

- ИИАО. Вып. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 37–60.
- Суриков И.Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения // ВДИ. 2012. № 2. С. 29–54.
- Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 311–315.
- Суриков И.Е. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 2012. Т. 16. С. 440–469.
- Суриков И.Е. Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. Т. 1. М., 2012. С. 51–67.
- Суриков И.Е. Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013 (в печати).
- Фролов Э.Д. Монархическая идея у Исократы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969. С. 3–20.
- Фролов Э.Д. Предэллинизм на Западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 245–260.
- Чурекова Н.Б. Еще раз к проблеме боспорской тирании // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 321–324.
- Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1984 год. М., 1985. С. 5–187.
- Шкорпил В.В. Археанактиды // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 54. С. 54–59.
- Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 140–176.
- Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (По данным эпиграфических источников). М., 1982.
- Balot R.K. Greek Political Thought. Oxford, 2006.
- Barceló P. Basileia, Monarchia, Tyrannis. Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 1993.
- Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. 1: Darstellung. München, 1967. S. 91.
- Bourriot F. Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Périodes archaïque et classique. Lille; Paris, 1976. T. 1–2.
- Braund D. Friends and Foes: Monarchs and Monarchy in Fifth-century Athenian Democracy // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece. Oxford, 2000. P. 103–118.
- Braund D. The Bosporan Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in

- a Cordial Relationship (Aisch. 3.171-172; [Dem.] 34.36) // The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday. Aarhus, 2003. P. 197–208.
- Cohen D.* The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 227–244.
- Cordano F.* ‘Basileús dorophágoi’ e ‘dikaspóloi’ // Contributi dell’Istituto di storia antica (Milano). 1996. Vol. 22. P. 3–8.
- Crielaard J.P.* *Basileis* at Sea: Elites and External Contacts in the Euboean Gulf Region from the End of the Bronze Age to the Beginning of the Iron Age // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 271–297.
- Drews R.* *Basileus*: The Evidence for Kingships in Geometric Greece. New Haven, 1983.
- Dreyer B.* Wann endet die klassische Demokratie Athens? // Ancient Society. 2001. Vol. 31. P. 27–66.
- Eder W.* Monarchie und Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Die Rolle des Fürstenspiegels in der athenischen Demokratie // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 153–173.
- Gallotta B.* *Basileis* ed *eupatridai* // Istituto lombardo. Accademia di scienze e lettere. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche. 1979. Vol. 113. P. 261–276.
- Hansen M.H.* Aristotle’s Alternative to the Sixfold Model of Constitutions // Aristote et Athènes. Paris, 1993. P. 91–101.
- Hurwit J.M.* The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985.
- Iacovou M.* From the Mycenaean *qa-si-re-u* to the Cypriote *pa-si-le-wo-se*: The *Basileus* in the Kingdoms of Cyprus // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 315–335.
- Leppin H.* Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhundert v.Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 557–571.
- McGlew J.F.* Tyranny and Political Culture in Ancient Greece. Ithaca, 1996.
- Manville P.B.* The Origins of Citizenship in Ancient Athens. Princeton, 1990.
- Mazarakis Ainian A.* The Archaeology of *Basileis* // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006. P. 181–211.
- Muccioli F.* Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, *Lysander* 18 // The Statesman in Plutarch’s Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society. Vol. 2: The Statesman in Plutarch’s Greek and Roman *Lives*. Leiden; Boston, 2005. P. 199–213.
- Osborne R.* The Demos and its Divisions in Classical Athens // The Greek City from Homer to Alexander. Oxford, 1991. P. 265–293.

- Parker V.* Τύραννος. The Semantics of a Political Concept from Archilochus to Aristotle // *Hermes*. 1998. Bd. 126. Ht. 2. S. 145–172.
- Paschidis P.* Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 BC). Athens, 2008.
- Rhodes P.J., Osborne R.* Greek Historical Inscriptions 404–323 BC. Oxford, 2007.
- Roussel D.* Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. Paris, 1976.
- Salmon J.B.* Wealthy Corinth: A History of the City to 338 BC. Oxford, 1984.
- Shipley G.* A History of Samos 800–188 B.C. Oxford, 1987.
- Versnel H.* Religion and Democracy // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 1995. S. 367–387.
- Whitehead D.* Athenian Demes as Poleis (Thuc. 2. 16. 2.) // *Classical Quarterly*. 2001. Vol. 51. No. 2. P. 604–607.
- Wiesehöfer J.* Greeks and Persians // A Companion to Archaic Greece. Oxford, 2009. P. 162–185.